

ФАНТАСТИКА
ФЛ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Илья
Шатюновский
**ЗАКАТИВШАЯСЯ
ЗВЕЗДА**

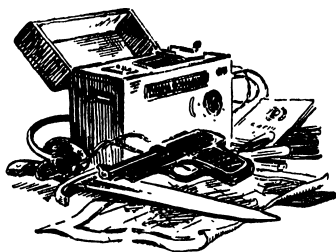
Скан и обработка:

krestik

Илья
Шатуновский

ЗАКАТИВШАЯСЯ ЗВЕЗДА

Документальная повесть

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ
МОСКВА 1959

В конце прошлого года в газете «Правда» было опубликовано сообщение Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР о поимке американских шпионов, проникших на территорию Советской Латвии. В этой документальной повести рассказывается о том, как были сорваны планы разведки США, как были задержаны и изобличены работниками советских органов госбезопасности американские шпионы.

Повесть написана по рассказам участников операции «Закатившаяся звезда», а также по материалам следствия.

Оформление
Ю. Макарова

Глава первая

СОТРУДНИКИ «БЮРО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ»

Лиловый «шевроле» свернул с автострады, ведущей из Мюнхена, и, не сбавляя скорости, помчался по асфальтированной дороге. За стеклами машины мозаичными квадратами проплывали крестьянские полянки, чахлые лесочки, мелькали разноцветные черепичные крыши сельских построек. Голубыми пятнами на вязкой рыжей земле проступали водоемы. В них, шумно плескаясь, плавали гуси. Перед рассветом прошел обильный дождь, и сейчас под арками автомобильных мостов картаво пели свои неумолчные песни бурные ве-

сенные ручейки. Да, весна властно вступала в свои права. Она разбросала по деревьям тугие почки, наполнила воздух медовыми запахами, свежестью...

За рулем американского лимузина сидел пожилой, необычно тучный мужчина. Его жесткие фельдфебельские усы обвисли до самой челюсти, под которой складками расползся второй подбородок. Мясистый нос и густые, взлохмаченные брови делали лицо человека, сидящего за рулем, еще более некрасивым, даже отталкивающим.

— Не мешало бы перекусить. Как вы полагаете, «Анди»? — называя своего соседа не по фамилии, а по кличке, произнес толстяк.

«Анди», большеголовый кряжестый детина, оперся щекой о свою огромную, словно вылитую из бронзы, ладонь и о чем-то сосредоточенно думал.

— Нужно позавтракать, — не дожидаясь ответа, повторил толстяк, причмокивая языком. — Да и мальчики, наверное, проголодались.

«Мальчики» — трое мужчин, размещавшихся на задних сиденьях — дружно поддержали говорившего:

— Да, вы правы, господин Кулл. Пора закусить!

У маленького дорожного ресторанчика Кулл резко притормозил. Он нажал большим пальцем на сигнал сирены и не снимал его до тех пор, пока из дверей не выскочил кельнер:

— Что угодно господам?

— Жареную курицу и что-нибудь выпить. Быстро! — распорядился Кулл.

— Может быть, господа соизволят пройти в зал? — кельнер угодливо схватился за ручку двери.

— Мы позавтракаем здесь. Курицу подайте побыстрее: у нас мало времени, — повторил Кулл и в нетерпении забарабанил пальцами по стеклу, давая понять, что разговор окончен.

Кулл говорил на чистом немецком языке, но по его развязной манере разговора и необычному желанию — завтракать в машине — кельнер догадался, что видит перед собою гостя из-за океана.

— Хорошо, мистер, — послушно промолвил немец.

Кулл подождал, пока кельнер скрылся в высоких стеклянных дверях ресторана, и обернулся к людям, сидящим сзади:

— Ну, как вам понравилась наша прогулка?

— Все было очень мило, господин Кулл.

«Мило! — горько усмехнулся про себя «Анди». — В самый разгар работы неожиданно прилетает из Вашингтона этот Кулл и все переворачивает вверх тормашками. Семь дней беспробудного пьянства в ночных притонах Гамбурга и Мюнхена. Целых семь дней, когда столько дел!»

— Да, перед дальней дорогой не мешает немного отдохнуть и встряхнуться, — словно отвечая на тайные мысли «Анди», заметил Кулл. — Трудные годы войны научили нас каждую свободную минуту умело использовать для развлечений.

Между тем у машины с целым подносом

яств и напитков появился кельнер. Кулл бесцеремонно взял в руки курицу, надломил ножку, принялся и брезгливо фыркнул:

— Мы торопимся, но это не значит, что нас можно кормить сырятиной! Потрудитесь поддержать курицу над огнем еще пять минут. Да смотрите, не пережарьте!

Кельнер, покорно склонив голову, выслушал замечание и молча удалился.

— И когда в этой стране научатся готовить птицу! — ворчал Кулл.

Впрочем, выпив три рюмки коньяка, он пошел и, оглядывая курицу, побывавшую еще раз на вертеле, нашел ее пригодной к употреблению.

«Весь он в этом, — подумал «Анди». — Привередлив, чванлив, нагл и оригинален до чудачества. Интересно, зачем все-таки он сюда приехал? Ведь не для того же, чтобы пьянствовать и бражничать».

Коньяк не помешал Куллу безукоризненно вести машину на предельной скорости, и вскоре «шевроле» влетел в тихий курортный городок Кемптен. Попетляв по его узким мостовым, автомобиль остановился на улице Амхохенвег, у дома № 3.

Городские власти Кемптена были поставлены в известность, что в этом доме помещается американское Бюро научно-технических переводов. Конечно, когда речь идет об американских учреждениях, западногерманские власти становятся крайне нелюбопытными. Однако, если бы бургомистр пожелал, он мог бы без труда узнать, что в дом № 3 по улице Амхохенвег не поступает никакой служебной

корреспонденции, что бюро не выполняет ни одного заказа на переводы. Да и люди редко выходящие из дома на улицу, мало напоминают клерков.

Цветные занавески во всю ширину окон скрывают от посторонних глаз все, что делается в доме. Впрочем, дом этот стоит на самой окраине города и подле него почти никогда не видно прохожих. Правда, раньше неподалеку находился детский туберкулезный диспансер. Однако как только в дом № 3 въехали новые хозяева, диспансер был закрыт, о чем свидетельствовали две крест-накрест прибитые доски на массивных воротах...

Кулл вынул ключ из кармана плаща, отомкнул замок и первым прошел внутрь дома. В большой комнате, куда вошли Кулл и его спутники, находилось человек восемь мужчин. При виде Кулла и «Анди» они повскакали с мест и вытянулись. Штатские костюмы, в которые были одеты обитатели дома, не могли скрыть их безукоризненной армейской выправки.

— Сидите, господа, — приветствовал их Кулл. — Сегодня вы еще можете отдыхать. Работа у нас начнется завтра в восемь утра, как обычно. Расписание уже составлено?

— Да, господин полковник, — ответил невысокий сухощавый брюнет. — Все сделано, как вы распорядились.

— Ну и отлично! Занимайтесь своими делами, господа. Если кому нужно в город, можете быть свободными до двенадцати часов. Что же касается нас, то мы предпочитаем немедленно отойти ко сну.

...Наутро, после завтрака, Кулл потребовал

к себе «Анди». Полковник принял его в небольшой комнате, назначение которой несведущему человеку определить было бы довольно трудно. В углу на маленьком столике стояли три портативных передатчика, рядом на треноге — какой-то аппарат, напоминающий теодолит. На стенах комнаты были развешены топографические карты, схемы.

— Пора поговорить о деле, — сказал полковник, усаживаясь в мягкое кресло, знаком приглашая сесть и «Анди». — Меня прежде всего интересует степень подготовленности курсантов.

Лицо Кулла приобрело деловой и сосредоточенный вид. На нем не было и следа утомленности после только что совершенного путешествия, после семи ночей, проведенных в ресторанах, дансингах и притонах. Да, «Анди» знал, что этот влиятельный полковник из Вашингтона был человеком дела.

«Анди», прежде чем ответить, поудобнее устроился в кресле.

— Как я уже докладывал в первый день вашего приезда, «Герберт», «Борис» и «Имант» подготовлены к самостоятельной работе. Однако нужно еще время, чтобы обеспечить полный успех акции.

— В Вашингтоне придерживаются иного мнения на этот счет, — сухо заметил Кулл. — Считают, что надо поторопиться. Акция «Ейч» ждет своей реализации. Я, собственно, и прибыл сюда, чтобы возглавить последний этап работы.

И хотя полковник не сказал этого, «Анди» понял, что его отстраняют от руководства.

— Вы уже, надеюсь, составили задания всем троим? — спросил полковник.

— Да, конечно.

— Передайте все материалы мне, — предложил Кулл. — Боюсь, что задания придется серьезно изменить, сообразуясь с новыми инструкциями. Но это я возьму на себя.

Глава вторая

КТО КУРИЛ СИГАРЕТУ «КЕМЛ»?

1

Колхозное стадо лениво двигалось по лесной опушке. Копыта коров, расплескивая лужицы дождевой воды, месили липкую грязь. Молодые березки роняли на землю свои невесомые золотистые листья. Под скупым осенним солнцем уже поблекла, пожелтела трава, и колхозный пастух Мартиньш Лиепа подумал, что совсем уж скоро коров поставят в стойла нового хлева. А ему, старику, не мешает подлечить измученные ревматизмом суставы. Сколько раз председатель колхоза брался выхлопотать ему путевку в грязелечебницу

Кемери, что на Рижском взморье. Но Мартиньш все отшучивался: «Нет, не пришла еще пора для капитального ремонта. Поработаю годок-другой, тогда поглядим...»

А в эту осень старый пастух почувствовал, что, наконец, надо отдохнуть и подлечиться. Ох, как надо! Вот сегодня всю ночь шел дождь, и всю ночь не давали покоя ноющие суставы. Да, годы брали свое...

Рядом с пастухом шел сынишка колхозного агронома Янцис. На нем были большие, не по ноге, резиновые сапоги и мохнатая шапка. Лицо мальчугана светилось радостью и гордостью. Еще бы! Не было такого мальчишки на всех окрестных хуторах, который бы не счел для себя большой честью попасть колхозное стадо вместе с дедушкой Мартиньшем.

Да, не каждого брал он с собой в лес. Но только поначалу старый пастух кажется таким строгим и неговорчивым. А на самом деле дедушка Мартиньш совсем не такой. Никто лучше его не может указать в лесу грибные места или поймать в силки птицу, или вырезать свистульку из сырых прутьев. А как начнет старик рассказывать про Перемышь, где он сидел в окопах еще в империалистическую войну, — заслушаешься! До чего же много интересного повидал на своем веку дедушка Мартиньш!

Все мальчишки знают, что у старого пастуха есть Георгиевские кресты. Ими дедушка Мартиньш очень гордится и никому не дает в руки. Мартиньш Лиєпа награжден еще медалью «Партизану Отечественной войны». Во время фашистской оккупации отряды народ-

ных мстителей держали через старика связь, на чердаке его дома укрывались раненые бойцы. И о тех днях Лиэпа мог рассказать много интересного, если его, разумеется, хорошенько попросить...

Осталась позади лесная опушка. Стадо двигалось по узкой дорожке, которая, петляя по балкам, выбегала на большой холм и скрывалась за его высоким гребнем. Кончался короткий осенний день; на верхушки сосен опускались мутные сумерки. Лес казался безлюдным, пустынным.

И вдруг на просеку торопливо вышел человек, огляделся. Заметив пастухов, он издал прерывистый звук, отдаленно напоминающий крик испуганной птицы, и тут же исчез в чаще. Затем вдалеке между деревьями мелькнула еще одна человеческая тень.

И хотя все это произошло в какое-то мгновение, Лиэпа заметил, что человек, выходявший на просеку, был одет в короткую кожаную куртку. Обратил внимание на незнакомца и Янцис.

— Дедушка, не нас ли он напугался? Чего это он так? — тревожно спросил мальчуган.

Встреча с незнакомым человеком насторожила старика не меньше, чем Янциса. От леса, где шло колхозное стадо, до границы было не более двадцати километров. В этих местах Лиэпа родился и состарился, он знал всех жителей окрестных хуторов не только в лицо, но и по имени. Но человека в кожаной куртке он видел впервые.

Стадо прошло вперед, и теперь старый пастух и его маленький подпасок поровнялись

с соснами, за которыми скрылся человек в кожаной куртке.

— Смотри, дедушка Мартиньш, сигарета, и еще курится! — воскликнул Янцис. Мальчуган разворошил ногой кучку желтых листьев и протянул старику окурок.

Лиепа послунял указательный палец, затушил огонек и стал деловито разглядывать сигарету. На ней он заметил синюю надпись «CAMEL».

— Такие сигареты как будто бы в нашем раймаге не продаются, — покачал головой старик, бережно заворачивая окурок в носовой платок...

Ночью Лиепа спал плохо. Он ворочался, вздыхал и даже два раза выходил на крыльцо.

— Что с тобой? — обеспокоенно спрашивала жена.

— Зубы разболелись, — первый раз за все время супружеской жизни соврал Мартиньш. — Завтра поеду в Айзпуте, покажусь врачу...

Утром старый пастух разыскал Янциса и сказал:

— Собирайся-ка, мальчуган, в дорогу. Нам с тобой поговорить кое с кем надо о том, что мы видели вчера в лесу.

...До районного центра они добрались на колхозном грузовике, примостившись в кузове среди бидонов с молоком. На площади они попросили остановить машину и распрощались с шофером. Спустя пять минут пастух и его маленький подпасок уже сидели в кабинете райуполномоченного КГБ, майора Стуриса.

До прихода Мартиньша Лиепы и Янциса

майор что-то писал, теперь же он спрятал авторучку в карман и приветливо посмотрел на старика с мальчуганом.

— Что хорошего скажете, товарищи? — спросил Стурис.

Пастух развязал носовой платок, вытащил сигарету и начал:

— Вчера мы с Янцисом пасли стадо...

Майор внимательно выслушал рассказ старика.

— Так вы говорите, неизвестных было двое? — попросил уточнить Стурис.

— Мы видели только одного, — ответил пастух. — Но, заметив нас, этот человек крикнул по-птичьи: похоже, что он кому-то подавал сигнал.

— Вы сможете узнать незнакомца, если встретите его еще раз?

— Пожалуй, узнал бы, — сказал Лиепа.

— И я тоже, — поддакнул Янцис. — На нем кожаная куртка, как у летчика, только без мехового воротника, на ногах ботинки. Кепка у него в клеточку. Ростом он не то чтоб маленький, но пониже дедушки Мартиньша будет.

Майор Стурис еще раз взглянул на окурок:

— Спасибо, что пришли, товарищи. Мы стараемся узнать, что за люди вам повстречались в лесу.

Когда посетители вышли из кабинета, райуполномоченный КГБ позвонил на пограничную заставу:

— Это майор Стурис. Здравствуйте, товарищ капитан. Скажите, не была ли нарушена в эти дни граница? В нашем районе появились неизвестные.

— Вполне возможно, — ответил начальник погранзаставы. — Погода, сами видите, какая стоит: дожди, туманы. На море шторм. Вчера обнаружен на песчаной отмели неясный отпечаток, напоминающий след. Сейчас этот отпечаток изучается. О результатах экспертизы сообщим вам немедленно...

2

Майор Стурис в этот день должен был уходить в отпуск. Билеты до Сочи были на руках, и жена собирала чемоданы. Воображение уже рисовало дальний скалистый берег, силуэты горделивых кипарисов, винтообразную дорогу на Ахун-гору, изумрудную гладь озера Рица.

Вместе с супругами Стурис до Риги должен был ехать и лейтенант Лидумс, молодой работник республиканского Комитета госбезопасности, проходивший стажировку в Айзпутском районе.

Майор, собственно, и забежал на работу лишь для того, чтобы дать письменный отзыв о своем стажере. Лейтенант только недавно закончил училище, но на практике сумел показать себя с самой лучшей стороны. Что ж, с годами из Лидумса должен был получиться настоящий чекист. Об этом Стурис с полной уверенностью писал в своем отзыве...

Теперь Стурис, заметив недописанный листок бумаги, подумал, что заканчивать отзыв пока рановато. Визит пастухов и разговор с начальником погранзаставы заставили майора насторожиться. Кто знает, как могли повернуться события! Майор решил задержать Лидумса и отложить свой отпуск.

Правда, предстояло не особенно приятное объяснение с супругой. Однако за пятнадцать лет совместной жизни она привыкла ко всяким неожиданностям и уже не роптала на свою беспокойную кочевую жизнь. Стурис черкнул записку жене, в которой просил ее пойти на вокзал и сдать билеты. «Появились неотложные дела», — объяснял он.

В дверь кабинета просунулась чья-то вихрастая голова:

— Разрешите, товарищ майор?

— Да, да, заходите, Лидумс. Вы мне как раз нужны.

К столу подошел высокий смуглолицый молодой человек.

— Прощальные визиты наношу, — сказал Лидумс. — Совсем немного пробыл у вас, а столько знакомых появилось! Сейчас я из райкома комсомола. На прощанье мне поручение дали: «Прочти, — говорят, — в колхозе лекцию, ведь она у тебя готова»... Я вам не буду нужен вечером, товарищ майор?

— Видите ли, лейтенант, — сказал Стурис, — в Ригу мы с вами завтра не поедem. Вы сожалели, что вам не пришлось быть в настоящем деле. Не так ли?

— Да, было такое...

— Этот случай вам как будто представляется. В нашем районе появились нарушители границы. Так что лекцию придется отменить.

...В середине дня майор Стурис получил еще одно сообщение, подтверждающее слова старого пастуха. В шести километрах от того леса, где Мартиньш Лиєпа и Янцис видели неиз-

вестного, на берегу небольшого озера, колхозники заметили двух торопливо идущих людей. Действительно, один из них был в кожаной куртке, другой, одетый в полупальто, очень напоминал колхозного бригадира Эверта. Женщины находились далеко от берега и утверждать, что это был именно Эверт, не брались. «Но очень похож на бригадира», — говорили они.

И вот теперь майор Стурис и лейтенант Лидумс сопоставляли два сообщения. Сомнений быть не могло — в обоих случаях действовали одни и те же люди.

— Очевидно, нарушителей границы по крайней мере двое, — размышлял вслух майор. — Но при чем же здесь Эверт, известный на всю республику полевод? Это непонятно. — Стурис задумался. — Знаете что, лейтенант, — сказал он после недолгой паузы, — не стоит, пожалуй, отменять лекции. Поезжайте в колхоз и непременно побывайте у Эверта. Ведь вы с ним, кажется, знакомы?..

...В назначенный час в сельском клубе собрались не только комсомольцы, но и люди постарше. Лейтенант прошел на сцену, оглядел зал и в предпоследнем ряду заметил Эверта. Как и все, бригадир с интересом ожидал начала лекции.

Лидумс не раз выступал перед колхозниками, и всегда успешно.

Вот и сейчас, едва начав говорить, Лидумс почувствовал, что ему удалось завладеть аудиторией. Написанный конспект лекции не сковывал его — держался он свободно, говорил легко, плавно.

По тому, как долго аплодировали колхозники, Лидумс понял: лекция удалась.

Выходя из клуба, уже на улице, Лидумс встретился с бригадиром.

— Здравствуйте, товарищ лектор — Эверт приветливо протянул лейтенанту свою широкую шероховатую ладонь. — Устали, наверное, после выступления? Зайдемте ко мне, кофе попьем, я вас грибами жареными угощу — сам собирал.

Лидумс почувствовал, что в самом деле проголодался, и отказываться не стал.

Грибы у бригадира, действительно, были восхитительные. Сочные, свежие, они словно таяли во рту. Лейтенант съел почти целую сковородку.

Поблагодарив гостеприимного хозяина, он спросил:

— Скажите, а куда вы ходите по грибы? Мне все больше попадаются лисички, а у вас, я смотрю, одни белые.

— Да в тот самый лес, где наш дед Лиепа стадо пасет. Вчера я принес домой целую корзину.

— Неужели сами набрали, без помощников?

— Помощники тут не нужны, — улыбнулся Эверт: — гриб ватаги боится. — Бригадир заметил, что лейтенант полез в карман за папиросами. — Курить хотите? Сейчас заграничными вас угощу.

Эверт открыл дверцу шкафа и достал пачку сигарет «Кемл».

Лидумс взял сигарету, спросил:

— Откуда у вас такие?

— Племянник подарил. Он в Балтийском

пароходстве механиком работает. В заграничье ходит.

Лейтенант вспомнил, что, действительно, совсем недавно приезжал в село моряк из Ленинграда...

В райцентр Лидумс вернулся поздним вечером. Но Стурис был еще на работе. Лейтенант передал ему свой разговор с Эвертом и заключил:

— Эверт тут не при чем. Хотя совпадение просто удивительное. Бригадир не отрицает, что был в лесу, а американские сигареты я сам у него курил. Конечно, иностранные сигареты в наших приморских местах, куда приходят корабли со всего света, не такая уж редкость...

Пока Лидумс был в колхозе, Стурис получил донесение с погранзаставы. В нем говорилось, что два дня назад граница действительно была нарушена.

Стурис побывал у секретаря райкома партии, связался с райисполкомом. Весь районный актив был поставлен в известность о том, что в окрестностях появились нарушители.

Была предупреждена милиция. Оперативные группы выходили в ночь прочесывать близлежащие леса.

Но поиски не давали результатов. Человек в кожаной куртке и тот, другой, что очень похож на бригадира Эверта, не были обнаружены ни в лесах, ни на дорогах, ни на хуторах. Нарушители, как видно, исчезли из Айзпутского района.

Два следующих дня прошли спокойно.

А третий принес новости.

На рассвете стрелковая рота капитана Полякова вышла на тактические занятия в леса, окружавшие со всех сторон небольшой хутор Друвас. Этот район капитан выбрал не случайно. Рельеф здешней местности был сложным: лесистые холмы, заболоченные балки, извилистые, крутые тропки. Занятия, проходившие в этих условиях, давали возможность молодым бойцам — солдатам первого года службы — получить хорошую тактическую и физическую подготовку.

Капитан собрал командиров взводов, положил перед ними на траве свой планшет:

— «Противник» силой до двух взводов пехоты укрепился на высоте с отметкой в девяносто три метра. Он окопался и занял круговую оборону. У него четыре пулеметных гнезда, а на обратном склоне высоты спрятаны минометы. Наша задача — подойти незаметно к этой высоте и внезапным ударом выбить «противника» с занимаемых позиций. Рассредоточивайте бойцов по балкам. Два взвода наступают из леса, один проходит через болота. Приказ ясен? Тогда по местам.

Командиры взводов объяснили солдатам задачу, и через пятнадцать минут рота поднялась в атаку.

Капитан находился на командном пункте, укрытом в чащобе, и наблюдал, как действуют его подразделения.

«Хорошо идут! — отметил Поляков. — Стремительно, и главное — пока еще не заметно для «врага».

Второй взвод (это был лучший взвод роты), наступавший через болота, первым приблизился к холму. Не обнаруженные «противником» бойцы достигли гребня высоты и, поднявшись во весь рост, с криком «ура» бросились в штыковую атаку.

И тут, на гребне, взвод неожиданно сбился в кучу, солдаты суматошно забегали, а младший лейтенант Клоков, отличный, дисциплинированный офицер, замахал руками:

— Товарищ капитан, идите сюда!

Полякову пришлось покинуть командный пункт. «Что случилось?» — недовольно подумал он, направляясь к высоте.

Когда командир роты взобрался на холм, его глазам открылась неожиданная картина. Среди густых деревьев стояла натянутая брезентовая палатка военного образца. Поляков заглянул внутрь и увидел на траве планшет с топографическими картами и несколько заряженных обойм к пистолету «браунинг». За палаткой в траве чернели поленья затухшего костра; над ним висел котелок с супом из концентратов. Возле костра сушились разложенные на бумаге пачки советских сторублевых, финских марок и шведских крон.

— Ничего не трогать, обыскать высоту! — приказал командир роты. — А вы, младший лейтенант, немедленно свяжитесь с уполномоченным КГБ.

Клоков бросил отрывистое «слушаюсь», убежал на дорогу, остановил попутную машину и умчался в город.

На высоту подошли остальные два взвода и также включились в поиск. Под развеси-

стым старым дубом солдаты нашли батарейную радиостанцию, антенна которой была заброшена на ветки дерева. Поляков нагнулся над передатчиком и заметил надпись на английском языке.

— «Тайп», — прочел он и добавил: — американский аппарат.

Через два часа на самый гребень высоты вскарабкался вездеход «ГАЗ-69». Из него выпрыгнули Стурис, Лидумс и проводник служебной собаки старшина Прувер. Чекисты тут же осмотрели и сфотографировали все найденные вещи.

— Похоже, что ваши солдаты невзначай спугнули тех самых лиц, которых мы разыскиваем, — сказал Полякову майор Стурис. — Теперь далеко не уйдут. Старшина, выпускайте собаку!

Проводник подвел овчарку к палатке, дал ей понюхать планшет с картами, пачки денег и спустил с поводка. Собака залилась отчаянным лаем, шерсть на ее хребте ошетичилась. Но овчарка сделала всего два шага — и остановилась, беспомощно повизгивая.

— След потерян, — огорченно сказал майор. — И немудрено: шел дождь. Да к тому же на этом пятачке топталась целая рота солдат. Ну, ничего, теперь они далеко не уйдут, — повторил Стурис.

4

Весь день бойцы стрелковой роты и оперативные группы прочесывали леса вокруг хутора Друвас, пытаясь напасть на следы неизвестных. Наблюдение велось за дорогами, хуто-

рами, железнодорожными станциями. Операцию возглавлял майор Стурис. Он направлял весь поиск так, чтобы ни один метр земли не оставался вне поля зрения.

Поиском занималась и группа экспертов. Только искали они следы не в лесных чащах и не на берегах болот, а в научной лаборатории Комитета госбезопасности в Риге. То, что скрыли лес, балки и болота, должны были рассказать вещи, брошенные нарушителями на высоте с отметкой в девяносто три метра.

Все это шпионское снаряжение сразу же было доставлено в Ригу с нарочным. Начальник одного из оперативных отделов Комитета подполковник Алкснис доложил о случившемся в Москву, а вещи передал на экспертизу.

И вот сейчас они были аккуратно разложены в лаборатории. Пол устилали топографические карты, отпечатанные на тонком штапельном полотне, в углу стоял алюминиевый котелок, на столе — портативный приемник, передатчик, выпрямитель и преобразователь тока, батареи питания, антенна. Опытным специалистам они должны были рассказать больше, чем иной словоохотливый собеседник. Но пока своими этикетками — «Made in USA» они сообщили лишь то, что изготовлены в Соединенных Штатах. Вещи молчали. Их нужно было заставить заговорить.

Эксперты закончили детальнейший осмотр аппаратуры и перешли к топографическим картам. Надписи на них были сделаны на английском языке. Карты казались совсем новыми. Но если ими пользовались, то должны остаться хоть какие-нибудь следы!

Это был кропотливый и утомительный труд. Каждый сантиметр доброго десятка карт эксперты подолгу разглядывали через сильные увеличительные стекла. И вдруг их лица по-светлели.

Карта Кандавского района была совершенно чистой и только возле точки, означавшей хутор Дреймани, были видны едва заметные следы от прикосновения ногтя.

Это открытие было настолько важным, что руководитель экспертной группы пригласил в лабораторию подполковника Алксниса.

Эксперты дали ему карту Кандавского района и лупу.

— Обратите внимание на хутор Дреймани. Видите пятнышко? Сюда неоднократно тыкали пальцем. Не значит ли это, что нарушители интересовались хутором и, очевидно, держали сюда путь? Не могут ли они здесь появиться, если скроются от погони?

— Рассуждение верное, — подтвердил подполковник. — Все новости сразу же передавайте в Кандаву. Я еду туда.

Перед тем как сесть в машину, Алкснис связался по телефону с кандавским уполномоченным — капитаном Янсоном.

— Уточните, кто проживает на хуторе Дреймани, — распорядился подполковник. Затем Алкснис вызвал к аппарату майора Стуриса: — Вы знаете в лицо бригадира Эверта?

— Я знаком с ним уже пять лет, — ответил Стурис.

— Тогда срочно выезжайте в Кандаву. Я тоже буду там.

В Кандаву вездеход подполковника прибыл

ранним утром. Городок еще не просыпался, и узкие крутые улочки Кандавы были пустынными и темными. Только из окна кабинета здешнего уполномоченного КГБ капитана Янсона лился оранжевый свет настольной лампы. Стурис был уже здесь. Откинувшись на спинку стула, он крепко спал — сказывались две тревожные ночи. От стука захлопнувшейся двери Стурис проснулся.

— Отдыхали? — спросил, здороваясь, подполковник. — Да, теперь спать придется урывками. Вы знаете Эверта, на которого похож один из нарушителей границы, вам легче будет его опознать. Поэтому я вас и вызвал сюда.

Подполковник Алкснис был старый, опытный чекист. Алкснису перевалило уже за пятьдесят, но на вид ему никак нельзя было дать больше сорока. Он не старел «ни телом, ни духом», как говорили о нем друзья. Подполковник был таким же сильным, энергичным, волевым, как и двадцать лет назад, когда с ним познакомился только что пришедший в органы госбезопасности Стурис...

— Ну, какие у вас новости? — спросил Алкснис.

Капитан Янсон располагал новыми важными сведениями. О них он рассказал Стурису и теперь докладывал подполковнику.

Ночью по дороге, ведущей из Кабиле в Сабиле, грузовую машину местного заготпункта остановил неизвестный. Он попросил подвезти его до Сабиле, но, не доезжая пятнадцати километров, вылез из кузова и ушел в лес. Неизвестный дал водителю пятьдесят рублей. Тот

удивился. Пятьдесят рублей за такую маленькую услугу мог дать только человек, абсолютно не знакомый со здешней жизнью. Пассажир был одет в короткую кожаную куртку.

— Прекрасно! — воскликнул Алкснис, радуясь, что данные экспертизы подтверждаются. — Нарушитель идет на хутор Дреймани. Но к кому? Вы установили, капитан, кто проживает на этом хуторе?

— Да, конечно, — ответил Янсон, — на хуторе живет Фрицис Лагздиньш, в прошлом кулак. Я знаком с ним довольно хорошо. В годы оккупации в его хозяйстве работали советские военнопленные. На этот счет мой предшественник объяснялся с ним еще в сорок пятом году. Женат на крестьянке из бедной семьи, она доярка. В другом доме на хуторе проживает сестра Фрициса, Айна.

— А больше у Фрициса нет родственников?

— Постараюсь выяснить, — сказал Янсон.

К середине дня капитан навел справки и узнал, что у Лагздиньша есть еще два двоюродных брата и четыре племянника.

— Нужно проверить, что это за люди, — распорядился подполковник.

...Ночью Алкснис листал свежие материалы. Четыре племянника и два брата Фрициса Лагздиньша жили и честно трудились в различных городах Латвии. Но оказалось, что у Фрициса был еще один двоюродный брат. Племянник Лагздиньша, шофер рижского таксомоторного парка, сказал, что его дядя Альфред Риекстиньш служил в гитлеровской армии, а после окончания войны пропал без вести.

Эти сведения и заинтересовали чекистов. — Если этот Риекстиньш служил у фашистов, то о нем должны быть хоть какие-то сведения в наших архивах, — заметил Алкснис.

Запросили Ригу. Вскоре пришел ответ. В пакет, помимо сообщения, была вложена фотокарточка молодого человека с вытянутым лицом и округлыми глазами. Человек был одет в форму эсэсовца. А в сообщении говорилось:

«Изменник Родины Риекстиньш Альфред служил унтер-офицером в гитлеровской армии, награжден «Рыцарским крестом». После окончания войны бежал в Швецию. Занимался антисоветской деятельностью в лагерях для перемещенных лиц. Три года назад завербован американской разведкой, исчез из Швеции и, по неточным данным, обучался в шпионской школе в Западной Германии».

— Полагаю, что этот эсэсовец и человек в кожаной куртке — одно и то же лицо, — прочитав сообщение из Риги, сказал подполковник. — На хутор Риекстиньша нужно пропустить. Вероятно, туда придут и его друзья. Вспугивать их не стоит. За хутором надо установить самое тщательное наблюдение...

Глава третья

КОГДА ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ...

1

Перед председателем колхоза стояло пятеро студентов, только что приехавших из Риги.

— Значит, нам в помощь — картошку копать? Очень рад, — сказал председатель. — Урожай нынче богатый. Что ж, сегодня отдохните после дороги, а завтра с утра — в поле. Устраивайтесь, где вам понравится. В каждом доме вас встретят хорошо.

— Ну, ребята, пошли размещаться! — Старший в группе, Карлис, взял в руки свой небольшой чемодан...

Наезженная дорожка вывела студентов к хутору Дреймани. Хутор был расположен на холме. Между двумя каменными домами блестяло зеркало маленького, почти игрушечного пруда, обсаженного молодыми деревьями. Студенты обошли один из домов и оказались на крохотном дворике. Дворик упирался в хлев, сложенный из крупных нетесаных камней. Рядом с хлевом был виден полуразрушенный сарай, набитый до самого верха колотыми дровами. За хлевом начиналась пашня.

Карлис подошел к массивной двери и постучался. Ему никто не ответил. Тогда студенты двинулись огородом к соседнему дому. Не успели они подойти к нему, как на пороге показалась старуха.

— Нельзя ли у вас остановиться, бабушка? Мы — студенты, приехали в колхоз картошку копать.

— Ну что ж, заходите, — пригласила хозяйка, — только у меня тесновато, поместитесь ли впятером?

Комната и в самом деле оказалась небольшой. Студенты посовещались.

— Тут, действительно, не очень удобно, — заключил Карлис, — да и до поля далеко. Так что извините, бабушка, — поищем где-нибудь поближе...

...А перед утром на хутор Дреймани пришел еще один гость. Он пренебрег наезженной дорожкой — напрямик пересек поле, прошел огородами и тихонько постучал в окошко к Фрицису Лагздиньшу. В комнате зажегся свет. Затем отворилась дверь, и на пороге показал-

ся заспанный хозяин. Он прищурил свои подслеповатые глаза, пытаясь разглядеть пришедшего. И вдруг Лагздиньш изумленно воскликнул:

— Это ты, Альфред? Вот так встреча! А я-то признаться, думал, что тебя и нет уже на этом свете. Ну заходи же.

Но Альфред все еще топтался у двери.

— Здравствуй, Фрицис. Я тоже тебя не рассчитывал увидеть живым и здоровым. Ты в тюрьме не сидел?

— Нет, а что?

— Да я просто так, — сказал Альфред. — Ну, как жена, дети?

— Все, слава богу, живы, — ответил хозяин и захлопотал: — Так заходи же, чего ты стоишь на пороге. Сейчас подниму жену, сына, пошлю за Айной. Вот радость-то!

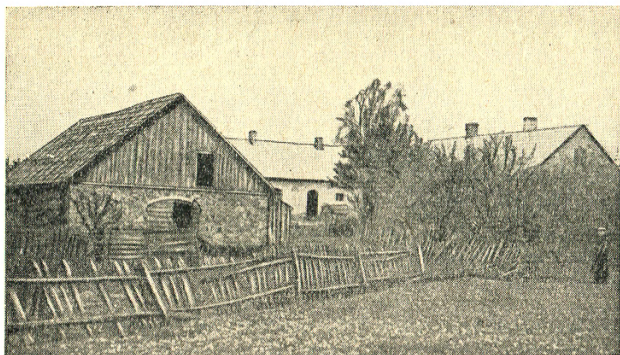
— Не стоит их тревожить. Поздно, — запротестовал Альфред. — Да и мне, признаться, спать что-то хочется.

Он испытующе взглянул на Лагздиньша и спросил:

— А не боишься меня оставить на ночь? Ведь ты не знаешь, откуда я взялся.

— Полно тебе, Альфред, — обиделся хозяин, — ты же мне брат.

— Ну, ну, я пошутил, — продолжал Альфред. — Я освободился из заключения, все документы у меня в порядке. Только не говори никому, что я пришел. Даже жене. А то начнутся расспросы — что да как... Не к чему все вспоминать. Кстати, ты не завел дружбы с коммунистами? — криво усмехнувшись, спросил гость.

*Хутор Дреймани, где несколько дней
скрывался Риекстиньш*

Фрицис грязно выругался. Альфред расхохотался.

— Молодец, братишка! Я так и думал. Знаешь что, а нельзя ли у тебя в сарае поспать? Только дай мне чем-нибудь накрыться. В моей куртке будет свежо.

Желание брата показалось Фрицису странным. Но он не стал пускаться в расспросы.

— На сеновале много соломы, — сказал Фрицис. — Там подушка, одеяло. Летом сам спал, да все еще не приберу в дом. Ну ступай, раз тебе так нравится. Смотри только не прогадай — ночи теперь холодные. — Он пожелал гостю спокойной ночи и вернулся в дом.

До рассвета Лагздиньша мучили сомнения, а утром он, захватив молока, яблок и хлеба, поспешил на сеновал. Альфред уже проснулся, лежал и курил в кулак. Фрицис присел рядом.

— Ну, как спалось? — спросил он.

— Ничего, спасибо.

— Знаешь что, Альфред, — осторожно начал Лагздиньш, — как-то непохоже, что ты по доброму освободился из тюрьмы. Чего бы ты тогда стал ночевать в сарае? Скажи-ка мне правду. Неужели не доверяешь?

— Я вернулся из-за границы, — глядя в упор на брата, сказал Альфред.

— Ну, это другое дело. Я так и думал. А чего тебе не жилось на западе? Или скучал без коммунистов? Зачем явился сюда?

— Затем, чтобы тебе и таким, как ты, вернуть землю и все добро, которое отняли коммунисты.

Фрицис подумал и сказал:

— А не много ли ты на себя берешь, Альфред? Власть здесь у нас крепкая.

— Нам помогут большие люди из Соединенных Штатов. Американцы хотят освободить Латвию от коммунистов.

— Американцы! — протянул Лагздиньш. — А вернут ли они нам землю? Или они сами захватят ее, а нас обложат налогами? Не слышал, какой они собираются установить налог?

— Да в налоге ли дело? Ведь ты же настоящий латыш! — вспыхнул Альфред и тут же осекся: — Словом, обо всем этом я сам слышал краем уха. За что купил, за то и продаю. А тебе надо идти в дом, а то жена хватится. Приходи, как стемнеет. Поговорим...

Вечером Лагздиньш продолжал допытываться у брата:

— Скажи, что все-таки обещают американцы? Будет ли при них лучше? Ведь не задаром же они нам будут помогать. Благодетелей нет. Чего же они хотят?

— Американцы хотят, чтобы Латвия была свободной, — отвечал Альфред. — Они нам помогут. Перед самой войной сюда забросят много людей. Они взорвут мосты, парализуют транспорт, освободят заключенных, начнут уничтожать коммунистов. А нам здесь надо создать свою тайную организацию, которая бы провела кое-какую подготовительную работу. А когда начнется война...

— А если она не начнется? — перебил осторожный Фрицис. — Что тогда? Тогда всю организацию переловят и посадят. И тут уж никакие американцы не спасут.

— Война будет! — безапелляционно заявил Альфред. — Об этом говорят большие люди в Америке. Нам дадут деньги. Много денег. — Альфред расстегнул пояс. — Ну, сколько тебе надо: тысячу, две, пять? Говори!

Альфред вытащил толстую пачку сторублевек. У Фрициса захватило дух. Альфред потряс пачкой и снова спрятал ее в карман.

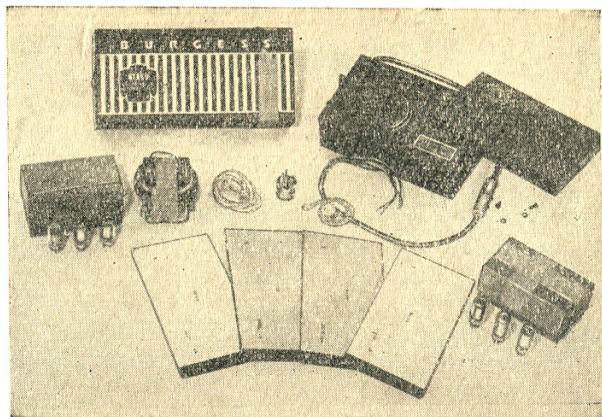
— Конечно, даром давать деньги никто не будет. Нужно работать. Так кого же в вашей округе можно будет привлечь в такую организацию?

Лагздиньш припомнил, что километрах в пятидесяти от хутора Дреймани живет бывший легионер, который на войне потерял глаз.

— Живет он неважно, — пояснил Фрицис, — поэтому к советской власти настроен враждебно.

— Ты можешь съездить за ним? — оживился Альфред. — Я хочу его видеть.

Лагздиньш замялся. Такое поручение пугало его.

*Радиоаппаратура и шифр-блокноты,
принадлежавшие Риекстиньшу*

— У меня болят ноги, — соврал он. — Я приведу его как-нибудь в другой раз. Давай немного подождем. Как бы не вызвать подозрений.

— Ну ладно, может быть, ты и прав, — недовольно согласился брат. Альфред понимал, что в его положении глупо приказывать. — Да, у меня есть просьба к тебе: сходи, пожалуйста, в магазин. Купи пальто и кепку. Мне надо переодеться.

Латздиньш взял деньги и ушел. Вскоре он принес все, о чем его просил брат, но был очень взволнован. В магазине Фрицис встретил милиционера. Участковый, видя, что он выбирает пальто значительно большего размера, чем на себя, удивился и поинтересовался, кому это он покупает обнову.

— Как бы не было плохо, — беспокоился Латздиньш.

Они распили пол-литра водки. Но на душе у бывшего кулака не стало веселее.

— Уходи, — посоветовал он Альфреду. — Дождись ночи и уходи. Далеко ли до беды?

— Мне нужно отсидеться несколько дней. Потом уйду, — хмуро проговорил Альфред. — А милиционера ты не бойся — это простое любопытство. Ведь не будет он следить за каждым, кто покупает пальто себе не впору. Ты же не украл, а купил.

Но эти доводы не успокоили Лагздиньша. Да, он ненавидел коммунистов. Они отобрали у него землю, скот. Фрицис готов был помогать любой власти, которая уничтожит советский строй. Но где она, эта власть? Альфред, который прячется у него на сеновале? Нет, нечего ему соваться в пекло. Если бы началась война, тогда другое дело, можно было бы на что-нибудь рассчитывать. Но сейчас...

— Знаешь что, уходи, — повторил Фрицис. — Чем черт не шутит! И тебя не спасу, и сам попадусь. У меня жена, дети.

— Вот и борись, чтоб им жилось лучше! Что же ты, за чужой спиной хочешь отсидеться? Готовенькое на блюдечке не поднесут, — без особенного воодушевления сказал Альфред.

— Ну, хоть перейди в сарай с рожью. Там надежнее скрываться, — посоветовал Фрицис. — Еду тебе будет носить Айна. А если что, то ты меня не видел, и я тебя не встречал. Мало ли кто может забраться в мой сарай без спроса... Как стемнеет, так и переходи.

— Ладно, — нехотя согласился Альфред. — Только подумай, как связаться с твоим одноглазым легионером.

Но Фрицису было уже не до legionера. Его была нервная дрожь — он с трудом спустился с сеновала. Конечно, Альфреда ищут. Иначе зачем же ему прятаться и переодеваться? А если ищут, то догадаются, для кого он, Фрицис, покупал пальто и кепку...

С наступлением темноты Альфред перебрался в сарай и зарылся в ржанных снопах. Ночью сквозь полудрему он услышал шаги. Альфред осторожно приподнял сноп и различил в темноте женскую фигуру. Женщина поставила на землю тарелку, завернутую в тряпицу, и удалилась. Альфред достал тарелку. Тут были яйца, сало, хлеб. Он поужинал, спрятал посуду в снопы и уснул.

2

Рижские студенты работали в колхозе очень старательно, от зари до зари. Конечно, им нелегко было с непривычки ходить весь день за картофелекопалкой и собирать картошку в большие плетеные корзины. Первое время сильно ломило в пояснице: работать приходилось согнувшись. Но уже на третий день студенты собирали картофеля не меньше, чем лучшие колхозники.

Председатель сельхозартели не раз отмечал трудолюбие и старательность юношей. Вот почему он был несколько удивлен, когда старший группы студентов, Карлис, попросил отпустить его пораньше с работы, так как ему надо съездить в Сабиле по личным делам.

— Что ж, раз надо — поезжайте, — сказал председатель.

Карлис передал свою корзину товарищам,

соскоблил щепкой налипшую грязь с ботинок и торопливо зашагал по обочине дороги.

У поворота его догнал вездеход. Карлис поднял руку. «Газик» остановился, и студент быстро вскочил на сиденье.

— Здравствуйте, Лидумс, — обратился к студенту подполковник. — Какие новости на хуторе?

— Доброго здоровья, товарищ подполковник. На хуторе все по-старому. Наш подопечный все еще прячется в сарае. Его двоюродная сестра каждую ночь носит ему еду. Думаю, что он скоро уйдет.

— Я тоже так думаю, — сказал Алкснис. — Пора его брать.

Машина уже въехала в городок и загромычала по булыжной мостовой. На перекрестке вездеход остановился. Лидумс вышел.

— Ну отдыхайте, лейтенант, — сказал ему Алкснис и шутливо добавил: — Вы свое дело сделали, товарищ студент Карлис.

...Под вечер на хутор Дреймани влетел вездеход. В нем сидели подполковник Алкснис, майор Стурис и капитан Янсон. Фрицис, заметив приезжих, вышел из дома.

— Здравствуйте, хозяин. Скажите, не заходил ли в эти дни на хутор кто-нибудь из посторонних? — спросил Алкснис.

Фрицис пожал плечами:

— Да нет, никого я не видел. Чужих на хуторе нет.

— Все же нам придется самим убедиться в этом, — сказал Алкснис. — Вот ордер на обыск, выданный прокурором. — Он показал разрешение.

Офицеры направились к сараю. Подполковник приоткрыл дверь и крикнул:

— Есть ли тут кто-нибудь? Выходите!

Ему никто не ответил.

Подполковник взял вилы, повернул их тупым концом вниз и стал прощупывать рожь. Вилы уперлись во что-то твердое, послышался шум разбитого стекла.

— Посуда, — определил он. — А ну, товарищи, растаскивайте снопы.

Из ржи прогремел выстрел. Стреляли не целясь, на звук голоса. Пуля прошла рядом со щекой Алксниса.

— Выходите, сопротивление бесполезно! — крикнул подполковник.

Снопы задвигались. Сначала показались поднятые руки — в одной был зажат пистолет — потом высунулась голова.

— Сдаюсь... — прохрипел Альфред.

— Бросайте оружие! — приказал Алкснис.

Шпион по-кошачьи извернулся, направил пистолет на Алксниса и истошно закричал:

— Ты тоже умрешь!

Почти одновременно прогремело три выстрела. Альфред споткнулся, выронил из рук пистолет и уткнулся головой в сноп. Когда Алкснис нагнулся к шпиону, тот был уже мертв.

Чекисты обыскали сарай. В снопах они обнаружили деньги, шифры, яды... В кармане убитого было найдено незапечатанное письмо.

«Дорогая Софья, — говорилось в нем. — Писем от тебя все нет. Живем мы хорошо. Люди возвращаются на родину, и никто их не преследует. Не верь тому, что говорят вам там, на Западе. В Мюнхене ты пропадешь одна. Толь-

Американский наймит Риекстиньш (в верхнем левом углу)
не смог воспользоваться этим оружием

ко здесь ты найдешь свою счастливую звезду. Возвращайся к нам, дорогая».

— Вероятно, тайнопись, — сказал подполковник. — Надо проверить...

...Через неделю Алкснис проводил оперативное совещание.

— Письмо, которое мы нашли у Риекстиньша, действительно содержало тайнописный текст, — сообщил подполковник. — Вот он:

Продолжаю путь. Условия очень трудные. Люди изменились. Действую с большой осторожностью, так как столкнулся с солдатами. Возможно, напали на мой след. Собираюсь в ближайшее время приступить к реализации акции «Ейч».

Вот что скрывается за «дорогой Софьей» и «счастливой звездой», — продолжал Алкснис, откладывая письмо в сторону. — Звезда Риекстиньша закатилась. Но те, кто пришли с ним, попытаются осуществить свои замыслы. Наша операция на этом, разумеется, не заканчивается, — заключил подполковник. — Будем ее отныне называть условно «Звездой»... или, пожалуй, точнее — «Закатившейся звездой».

Глава четвертая

ОДИНОЧЕСТВО

1

— Нет, ты сначала скажи, где пропадал все годы, почему не написал ни строчки?

— Разве ты не рада брату? Если я тебя стесню, то, может, мне лучше уйти?

— Ну что ты мелешь! Как тебе не стыдно! — Интересная полная женщина схватила за руку пришедшего, точно боялась, что он и в самом деле исчезнет. — Заходи.

Мужчина вошел не сразу. Он еще раз пристально оглядел сестру и спросил:

— Ты не замужем, Мильда?

— Тебе бы стоило поинтересоваться этим раньше, — укоризненно бросила сестра. — Замуж я не выходила.

Мужчина осторожно шагнул в дверь. Комната, куда он вошел, освещалась настольной лампой. У окна стояла деревянная кровать, между нею и платяным шкафом — посредине комнаты — стол и три стула.

Мильда села на разобранную постель:

— Ну, расскажи, где ты был все это время, почему не давал о себе знать?

— Неужели это так срочно? Я только что с поезда и всего полчаса в Риге. К тому же я голоден, — раздраженно заметил брат.

Мильда ушла в кухню. Через несколько минут на столе появилась тарелка мятой картошки и кусок холодной свинины.

— Вот все, что у меня есть. Не обижайся — ты же не предупредил о приезде, как это принято у людей.

Брат жадно набросился на еду, и вскоре в тарелке не осталось ни крошки. Мильда повторила вопрос:

— Ну, рассказывай, что с тобой было после того, как ты удрал с немцами?

— Что было? — переспросил брат и задумался. — Было плохо, чуть ноги не протянул. Долго не мог найти работы. Спал в бараках, а то и прямо под открытым небом.

— Чего же ты сразу не вернулся?

— Боялся, что посадят в тюрьму. Но потом все же решил идти с повинной. Перешел в восточный Берлин, явился к советскому консулу.

— И тебя простили, Эдвин?

— Как видишь. Только я теперь не Эдвин, и фамилия у меня другая. Меня зовут Петерис Янович Приедитис. Не осмелился сказать консулу в Берлине свою настоящую фамилию. Опасался, что вспомнят сорок четвертый год. В остальном все у меня в порядке. Я уже немного работал в Ленинграде — привезли нас туда на пароходе из Ростoka. Немного приоделся, скопил деньги на дорогу до Риги.

Мильда насторожилась:

— А может быть, тебе все же лучше пойти и рассказать, что ты изменил фамилию? Как бы не было хуже. Могут узнать об этом и без тебя.

— Да нет, стоит ли волноваться из-за пустяка.

— Пустяк ли?

— Ну чего ты беспокоишься? — рассердился Приедитис. — Мне же виднее. Я не враг сам себе.

Мильда вздохнула:

— Ох, опять все начинается сначала. Почему ты не хочешь жить, как все люди? Тебе надо побыстрее устраиваться на работу. Я тебе помогать не смогу. Я получаю всего шесть сот рублей.

— Конечно, я буду работать. Только проживу у тебя немного, огляжусь, если не возражаешь. Как теперь прописывают, скажи? Нужно ли являться в милицию лично? Надолго ли отбирают паспорт?

— Чего ты беспокоишься? — вопросом на вопрос ответила Мильда. — Ты же сам только что сказал, что с документами у тебя все в

порядке — ведь ты уже работал в Ленинграде.

— Да, конечно, — подтвердил Приедитис и, чтобы скрыть свою растерянность, быстро переменял тему разговора: — Мильда, а целали моя скрипка?

— Да, конечно. Я ее не продала даже в трудные годы. Ты же знаешь, что это подарок нашего покойного отца.

Приедитис полез в шкаф и достал скрипку. Он бережно стряхнул пыль, провел пальцем по струнам, которые родили тихий, задумчивый аккорд. Приедитис улыбнулся. Эта улыбка напомнила Мильде славного, застенчивого мальчишку, каким был ее брат двадцать лет назад. Он так хорошо играл на скрипке и так великолепно рисовал. Но что с ним стало? Как он испортил себе жизнь!

Приедитис погладил скрипку, положил ее на прежнее место и, словно читая мысли сестры, сказал:

— Нет, Мильда, мне не придется больше копать землю и спать в бараках. Я буду художником. Я буду писать хорошие картины, и люди будут ими любоваться...

Мильда постелила брату на полу, потушила свет и легла в постель. Но сон не приходил. Мильда прислушивалась к неровному дыханию брата, который почему-то решил спать, не раздеваясь. Он ворочался, вздрагивал и жадно курил под одеялом. Потом вскочил и осторожно подошел к окну.

— Что с тобой, Эдвин?

Тот встрепенулся:

— Ничего. Мне показалось, что кто-то оста-

новился на улице возле нашего окна... И потом, я прошу больше никогда не называть меня Эдвином. Ты ведь знаешь, как меня теперь зовут.

Брат был теперь совсем не таким, как полчаса назад, когда держал в руках скрипку. Перед Мильдой стоял совсем другой человек — злой, испуганный, с бледным, перекошенным от страха лицом...

Весь следующий день Приедитис провел дома. Вернувшись с работы, Мильда застала брата сидящим все в той же позе, что и утром, когда она уходила в свое ателье.

— Ты что? Так никуда и не ходил?

— Да что-то не тянет... — задумчиво ответил Приедитис. — Хочется привыкнуть, что у меня, наконец, есть крыша над головой.

Но вечером у Приедитиса кончились сигареты. Он сбегал на угол в табачный ларек и тут же вернулся назад. Второй раз он вышел из дома только через три дня и немного прошелся по городу. С этого вечера Приедитис стал отлучаться все чаще и чаще.

Мильда заметила, что брат заметно повеселел. Вечерами он брал скрипку и играл задорные латышские мелодии. Однажды Приедитис вернулся домой изрядно выпившим.

— Я устроился работать художником! — радостно сообщил он...

Через полмесяца, придя со службы домой, Мильда увидела на столе кремовый торт и бутылку портвейна.

— Сестричка, выпьем с моей первой полочки.

Мильда была счастлива. Ушли из сердца

тревоги и подозрения, рожденные той страшной первой ночью. Эдвин начинал новую жизнь. И Мильда была уверена, что теперь брата ожидает запоздавшее счастье...

2

С той поры, как на хуторе Дреймани был убит американский шпион Альфред Риекстиньш, прошел год. Тогда лейтенант Лидумс считал, что органам госбезопасности быстро удастся захватить, обезвредить и других шпионов. Но этого не случилось. Сообщники Риекстиньша исчезли, не оставив никаких следов.

Временами Лидумсу казалось, что подполковник Алкснис слишком спокойно относится ко всей этой истории. «Ведь он сам говорил, что Риекстиньш пришел не один, — думал лейтенант. — Так что же он мешкает? Нужно поднять всех на ноги и продолжать поиски». Искать! Но как, где?

...Вскоре после операции на хуторе Лидумс завершил стажировку в Айзпутском районе и вернулся в Ригу. Майору Стурису было теперь что писать в отзыве о своем стажере. С помощью рижских студентов Лидумс прекрасно справился с заданием, наблюдая за хутором Дреймани. Теперь Лидумс работал в оперативном отделе подполковника Алксниса. Начальник отдела был доволен своим молодым сотрудником — за это время лейтенант выполнил немало ответственных заданий...

Мысль о том, что американский шпион пробрался в Латвию и теперь живет среди честных людей, дышит с ними одним воздухом и

делает свое черное дело, не давала Лидумсу покоя. В свободные минуты он еще и еще раз склонялся над картами, брошенными нарушителями на высоте близ хутора Друвас, разглядывал шпионское снаряжение, найденное при убитом Риекстиньше.

Лидумс надеялся найти что-нибудь, что прояснило бы обстоятельства дела. Но все эти вещи и документы были в свое время досконально изучены специалистами, и получить какие-либо новые данные не удавалось. Но Лидумс не отступался.

И вот сейчас, придя с докладом к Алкснису и решив все текущие дела, лейтенант задержался в кабинете начальника отдела.

— Товарищ подполковник, неужели прошлогоднее дело о нарушении границы мы так и положим в архив? — спросил Лидумс.

Подполковник улыбнулся:

— А как вы сами думаете, товарищ лейтенант?

Лидумс нахмурил брови:

— Мне кажется, нужно что-то предпринимать.

— А что именно?

— Я много размышлял над этим делом, и мне кажется, что стоит вплотную заняться бригадиром Эвертом из Айзпутского района. Ведь есть же показания двух колхозниц, что на берегу лесного озера вместе с человеком в кожаной куртке — Риекстиньшем был и Эверт.

— Насколько я помню, тогда не утверждалось, что попутчиком Риекстиньша был именно Эверт. Говорилось, что попутчик был

очень похож на бригадира. А это не одно и то же. И потом, Лидумс, вы же сами тогда говорили с Эвертом.

— Это как раз меня и беспокоит, — отвечал Лидумс. — Ведь, кроме меня, больше никто не разговаривал с бригадиром. Не обманул ли меня Эверт, не ввел ли в заблуждение, не сбил ли с толку? Предположим, с Риекстиньшем был не бригадир, а кто-то другой, на него очень похожий. Но разве можно считать совпадением, что нарушители границы и Эверт курили в тот день один и тот же сорт сигарет? Да и потом Эверт не отрицал, что был в лесу. Вот я и думаю: может быть, стоит еще раз прощупать бригадира?

— А что это даст? — спросил подполковник и сам же ответил: — Ничего. Эверт тогда прекрасно знал, что мы искали нарушителей границы. Если бы он мог или хотел чем-нибудь нам помочь, он бы помог нам еще год назад. Но он не сделал этого. Либо он сам ничего не знал, либо не пожелал ничего рассказывать. О чем же сейчас с ним говорить?

Подполковник взглянул на Лидумса, но тот промолчал.

— И потом скажу вам откровенно, — добавил Алкснис, — у меня с трудом укладывается в голове, что Эверт мог иметь какие-то отношения с Риекстиньшем. По всей вероятности, они не были даже знакомы. Эверт воевал в Советской Армии, и когда демобилизовался, то Риекстиньш был уже на Западе. Но предположим, что Эверт встречал Риекстиньша у границы. А для чего? Оружием, продовольствием, документами, картами Риекстиньша

снабдили американцы, и он не испытывал ни в чем недостатка. Может быть, Эверт должен был проводить Риекстиньша куда-нибудь, скажем, до хутора Дреймани. Почему же тогда Эверт не пошел с ним дальше? Словом, Риекстиньшу не было никакой нужды встречаться с Эвертом близ границы... И наконец самое главное. Что может быть общего между Эвертом, бывшим фронтовиком, мастером высоких урожаев, орденоносцем и изменником Родины, фашистским прихвостнем и американским наймитом Риекстиньшем?

— Ну, а куда тогда делся второй нарушитель границы? — воскликнул Лидумс.

Подполковник рассмеялся:

— Простите, Лидумс. Вы в который раз спрашиваете меня об этом? Наверное, в двадцать пятый. И в двадцать пятый раз я вам вынужден ответить: не знаю. Но знаю одно: шпион, пробравшийся к нам вместе с Риекстиньшем, никакой активности не проявляет. Может быть, американская разведка решила до времени законсервировать его. Но когда-нибудь он же зашевелится! И тогда-то мы о нем обязательно услышим. Нам еще предстоит большая работа, лейтенант Лидумс.

3

Под кистью Петериса Приедитиса рождались унылые, мрачные пейзажи — художник хандрил. Стены комнаты были увешаны осенними этюдами. На них повторялся один и тот же мотив: дождливый день, тусклое, плачущее небо, зыбкое болото, пожелтевший сентябрьский лес.

Приедитис был задумчив, неразговорчив.

— Что с тобою, братишка? — не раз спрашивала его Мильда.

— Я уже говорил: скоро выставка моих работ. Это ведь серьезный экзамен!

— Не волнуйся, я верю, что все будет хорошо, — успокаивала его Мильда.

Но Приедитис врал сестре. Он не боялся выставки, потому что никто не собирался ее устраивать. Выставку он выдумал для сестры. Но врал он ей не только в этом. Приедитис никуда не поступал работать. А зарплата?

Ему приходилось брать деньги у женщины и говорить Мильде, что он их заработал. Уже целый год Приедитис жил на средства своей давнишней знакомой Веры Книксонс, портнихи, работающей на дому. Но что было делать? К кому обратиться? В этом большом городе, где люди вечно торопятся — не ходят, а бегут по улицам, поглощенные своим делом, — кто мог вспомнить о нем, безвестном бродяге? О нем могла помнить только женщина, которая любила его первой девичьей любовью. Это было пятнадцать лет назад. Да, тогда худенькая белошвейка с улицы Бривибас собиралась за него замуж. Она даже сшила свадебное платье. Но он обманул Веру, исчез, искалечил ей жизнь. И вот теперь нужно было вдруг снова встать на ее пути. И врать, что все пятнадцать лет разлуки любил ее, думал о ней, заронить в ее душе новые надежды.

Мильда была решительно против этих встреч. Она считала, что брату нужна дру-

гая жена. Ну кто не знает, что Вера легкомысленна, безрассудна... Милая, доверчивая Мильда! Как она вскрикнула, когда он неожиданно появился на пороге. Он сказал, что репатриировался из Западной Германии. И она поверила...

Приедитис бросил кисть и отодвинул ногой мольберт. Как это все противно — разыгрывать перед сестрой роль неудачника, прикидываться перед Верой влюбленным! И сколько лет ему еще придется быть не самим собой, таиться, вздрагивать от каждого стука, ходить по улицам оглядываясь?..

4

Тяжелое чувство ожидания беды охватило Приедитиса в ту самую минуту, когда он вместе с «Имантом» перешел советскую границу. Это было год назад. С первых же шагов на латышской земле они почувствовали, что идут по самому краю бездны.

Этот путь Приедитис будет помнить всегда. Еще там, в пограничном лесу, «Имант» вышел на просеку, чтобы оглядеться, и тотчас же прыгнул назад, закричав, что идет стадо. Они долго бежали по лесу, пока не спрятались в густых кустах. «Имант» долго ломал голову над тем, заметили ли его пастухи или нет. Но в лесу было тихо. Только крупные капли дождя, зарядившего еще с прошлой ночи, стучали барабанной дробью о пожелтевшие листья берез.

Ночью они решили облегчить свою поклажу. Приедитис зарыл радиостанцию,

«Имант» — автомат, боеприпасы, аппарат для наводки самолетов. Идти стало легче. На расвете они вышли к небольшому лесному озеру. Пока они пытались определиться по карте и компасу, на противоположном берегу показались женщины. И опять они бросились в лес, и опять прятались весь день, накрывшись плащ-палаткой.

Когда стемнело, они двинулись в путь. На лесной дороге они увидели путевую стрелку с указателем «Айзпуте». Но сколько километров было до этого городка, разглядеть не удалось, а чиркнуть спичкой боялись.

Еще один день они провалялись в лесу. Перекусили шоколадом и сухими концентратами. И опять шел этот проклятый дождь и дул холодный порывистый ветер, пронизывающий до самых костей. Как был прав «Борис», когда доказывал, что начинать работу осенью невозможно! Но полковник Кулл и так затянул подготовку. На карту была поставлена его карьера, поэтому он настоял, и они пошли.

Приедитис хорошо помнит, что тогда они все время говорили о «Борисе». Он должен был в ту же ночь перейти границу и, соединившись с ними, дойти до реки Вента. Там, в лесу, они долго подавали условные свистки, но никто не откликнулся. Они прождали «Бориса» двенадцать часов, как это было условлено, и тронулись в путь одни.

На высотке, где был устроен следующий привал, они окончательно решили, что «Бориса» ожидать бесполезно. Эта высотка мало чем отличалась от других лесистых холмов. На ее пологой вершине, плотно прижавшись

друг к другу, стояли молодые деревья, ветви которых переплелись с лозами высокого кустарника в один золотистый живой клубок. Здесь, в чаще, «Имант» решил поставить палатку, развести костер и обсушиться.

«Мне надоела сухомятка», — сказал тогда «Имант». Приедитис возражал ему, боялся, что заметят огонь костра. Они даже поссорились. «Имант» все же развел костер и стал варить в котелке мясной бульон, а он съел солонюватые кубики и улегся спать.

Когда он проснулся, то увидел, что «Имант» лежит на плащ-палатке и возится над зашифровкой радиогаммы: наступал последний обусловленный срок для передачи ее в разведцентр. Что писал «Имант», он не знал. Им были даны разные шифры. Потом «Имант» отправился подыскивать место, где бы можно было забросить антенну. Он исчез в кустах, но тут же вернулся и испуганно сообщил, что по оврагу идут солдаты.

Они не успели убрать палатку, спрятать разложенные у костра деньги и карты. Мешать было некогда.

Приедитис был сильнее «Иманта». Он мог бежать очень быстро, делая широкие шаги, перепрыгивая через пни и канавы. Сначала Приедитис чувствовал за спиной горячее дыхание товарища, потом он различал лишь топот тяжелых солдатских ботинок «Иманта», а дальше не слышал уже ничего...

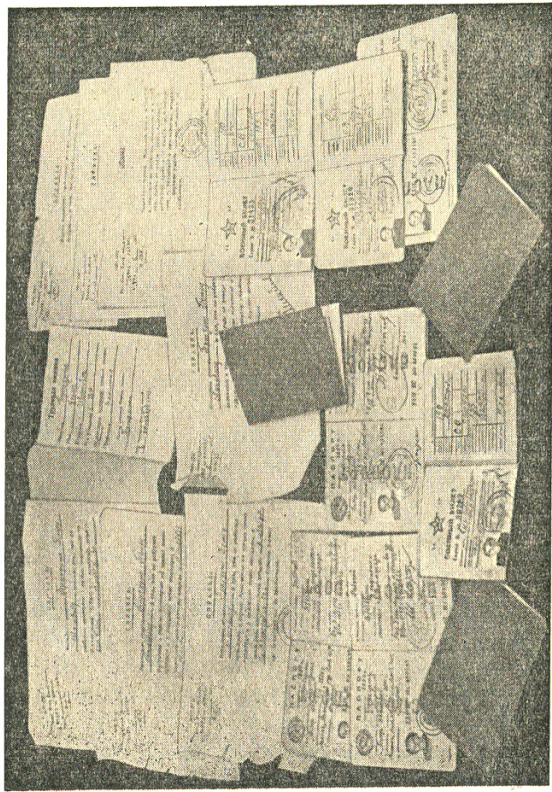
Приедитис бежал до тех пор, пока не упал и не почувствовал, что силы оставили его. Он заполз в канаву. У него не было теперь ни плащ-палатки, ни карт, ни продуктов. При нем

осталось лишь то, что было зашито в пояс. А там хранилось самое основное: адреса, шифры, расписание радиосвязи, яд, средства гайнописи, полторы тысячи советских денег и документы на имя Петериса Яновича Приедитиса.

Да, у него были деньги, но он боялся заходить на хутора — там могла быть засада. Целую неделю, пока шел до Риги, он питался лишь морковью да свеклой, которую воровал с полей. На пятую ночь у какой-то мельницы он перешел вброд реку Венту. До Венты они должны были идти втроем. А добрался он один.

Приедитис твердо решил остановиться у сестры. Американская разведка категорически запрещала появляться у родственников. Но отправляться по выданным Куллом адресам Приедитис не решился. Он боялся этих незнакомых людей, он устал, измучился и даже в маленьких детях, беззаботно игравших на улице, ему мерещились чекисты. Стоило ли преодолевать этот тяжелый, изнурительный путь через леса и болота, бежать от солдат и питаться сырыми овощами, чтобы сразу же на него донесли? Людей он не любил, не верил им. Никому. И он пошел к сестре...

С той поры Приедитис проделывал путь от Риги до пограничного леска, где была спрятана радиоаппаратура, еще двенадцать раз. Каждый месяц по восемнадцатым числам он выкапывал из-под старой березы приемник и прослушивал радиопередачи из разведцентра. Стоит ли говорить, сколько страху он натерпелся за эти двенадцать путешествий!

Документы на имя Петериса Яновича Приедитиса были сфабрикованы в заокеанском разведцентре. Этими документами был снабжен перед засылкой в Советскую Латвию американский шпион «Герберт».

Приедитис положил в шкаф недописанный этюд и убрал краски. Подошел к вешалке, снял пальто. Он твердо решил взять приемник из леса домой. Конечно, это будет опасно. Но разве не опаснее каждый раз работать в лесу?

Приедитис осторожно запер дверь и вышел на улицу.

Спустя час он сидел у окна вагона и смотрел, как впереди, в черных клубах паровозного дыма, догорает закат. В вагоне почти не было пассажиров. Никто не заводил с ним разговора, не навязывался в собеседники, как это часто бывает в дороге, и Приедитис был наедине со своими думами. А думы — тяжелые, тревожные — все время лезли в голову. Они были рождены не столько страхом, сколько сознанием неотвратимости катастрофы, ожиданием неминуемой беды. Но Приедитис понимал, что нельзя опускать руки. Нужно работать...

В подвале своего дома, в углу, за развалившимся диваном, выкинутым кем-то из жильцов еще с десятков лет назад, он оборудовал тайник. В нем будет удобнее и безопаснее хранить радиоаппаратуру. Ведь и Мильда может обратить внимание, что по восемнадцатым числам он никогда не ночует дома.

Решение было, конечно, правильным, и он сообщил Куллу, чтобы передачи перенесли на дневные часы. Но будет ли от этого какой-нибудь прок?..

...Вот уже год он пишет в разведцентр и

слушает его ответы в эфире. Но все это только одни разговоры.

Почти год назад Приедитис послал за океан свое первое сообщение. Дождавшись, когда Мильда уйдет на работу, он извлек из пояса таблетку специальных чернил для тайнописи и кадр фотопленки. На нем был запечатлен невинный морской пейзаж. Приедитис поднес к пленке увеличительное стекло. Сквозь волны проступили слова. Это был адрес, по которому надо было писать для разведцентра.

Приедитис достал листок бумаги и шариковой авторучкой написал письмо. В нем он настойчиво убеждал какую-то Анну вернуться на родину. Такое содержание было рекомендовано американскими инструкторами. Затем Приедитис бросил таблетку в рюмку кипяченой воды, размешал раствор чертежным пером и между строк стал писать тайный текст:

«Добрался до Риги благополучно. Прописался, подозрений ни у кого не вызываю. С «Имантом» и «Борисом» связи не имею. Шлите деньги, без них не могу начинать работу».

Закончив писать, Приедитис в течение нескольких минут подержал лист над паром кипящего чайника. Потом положил письмо в книгу, а на нее поставил утюг, чтобы выровнялась бумага. На конверте, в графе «адрес отправителя» он, заглянув в газету, поставил фамилию и имя женщины, дававшей объявление о разводе.

В ночь на восемнадцатое Приедитис был в лесу. Сеанс начался точно в назначенное вре-

мя. Он принял сообщение, набросал колонку цифр и спрятал аппаратуру. Приехав домой, достал таблицу и расшифровал текст.

«Поздравляем с благополучным прибытием, — передал разведцентр. — Приступайте к выполнению задания. Родина не забудет ваших трудов».

О деньгах и адресах «Иманта» и «Бориса» в ответе не было ни слова. Приедитис в сердцах выругался. Стоило ли тащиться за добрую сотню километров, чтобы получить ничего не говорящий ответ!

Впрочем, первое время Приедитис пытался сам связаться с «Имантом» и «Борисом». Несколько раз он приходил на перекресток улиц Бривибас и Елизабетес, к рекламному столбу, и все никак не решался вынуть карандаш. Но делать что-то было все же надо и однажды, выбрав момент, когда у афиш никого не было, написал четыре цифры: «2818». К этому столбу обязательно должны подойти «Имант» и «Борис», если только они в Риге. Так было условлено. Они знают, что нужно подчеркнуть цифры тремя черточками. Этим они сообщили бы, что придут сюда 27 числа в 17 часов. От чисел, означающих дату и время встречи, полагалось вычесть по единице.

Приедитис наведывался сюда каждый день, однако никто не подчеркивал его надпись. После двадцать седьмого он назначил явку на новый срок, но и этот срок прошел, и следующий...

Приедитис все посылал и посылал письма в разведцентр — требовал деньги, просил

выслать новые документы, адреса. Иногда в письмах он разражался бранью: «Почему не связываете меня с «Имантом» и «Борисом»? Или вы все еще продолжаете проверку, которую начали в Мюнхене? Но я вам не подопытный кролик!»

Это был вопль отчаяния.

Но разведцентр отвечал вопросом на вопрос:

«Почему не передаете агентурных данных? Когда, наконец, приступите к реализации акции «Ейч»?»

Приедитис догадывался, что ему не дадут денег, пока он не начнет выполнять задание. Но Приедитис их просил, умолял. Он жаловался, что живет на средства женщины, которая болеет чахоткой, что не имеет приличного костюма, не может в праздник выпить бутылку вина.

«Работайте над акцией «Ейч», — отвечали ему американцы.

Работать над акцией «Ейч»? Это значит, он должен подобрать одного человека из местных жителей и с его помощью уточнять расположение военных аэродромов, типы самолетов и размеры взлетных площадок, выяснять пропускную способность железных дорог и мостов, описывать портовые сооружения, узнавать, какие заказы размещаются на рижских заводах, искать связи с антисоветски настроенными элементами.

Нет, Приедитис не трус. Если б с ним кто-нибудь был рядом, хотя бы этот щуплый «Имант», он, не страшась, пошел бы на все, даже на смерть. Но он одинок. Он не решался

заводить знакомства, ходить по улицам, появляться вблизи военных объектов.

Временами его охватывала мания преследования. Ему казалось, что за ним наблюдают, что кто-то копается в его чемодане, когда его нет дома. Он даже начинал шпионить за Мильдой, не ходит ли она в милицию, КГБ. Тогда Приедитис заставлял себя логически мыслить. Если его разоблачили, то почему же он тогда не арестован? Нет, его не могли выследить. Никто у него ничего не спрашивал, не проверял документов. Но потом минутное спокойствие сменялось приступами сомнений, и он принимался опять анализировать каждый свой шаг...

...Поезд подходил к Айзпуте. Приедитис сошел на станции, потолкался в буфете и, никем не замеченный, ушел в лес.

6

Утром Петерис Приедитис вернулся из Айзпутского района в Ригу.

В его небольшом чемоданчике лежал приемник, выпрямитель и преобразователь тока. Он спустился в подвал и в углу, за развалившимся диваном, спрятал вещи.

Приедитис облегченно вздохнул. Дело сделано, теперь не надо каждый раз тащиться в лес, чтобы слушать передачи разведцентра. Достаточно только спуститься в подвал...

Всю обратную дорогу он обдумывал сегодняшнее сообщение разведцентра. Оно было необычным. Вашингтон передавал, что скоро ему будет устроена встреча с человеком, который поступит в его распоряжение. Приедитис

обрадовался. Вдвоем работать куда безопаснее. Но кто этот человек? «Борис», «Имант» или еще кто-нибудь другой, пробравшийся через границу? Нет, это было загадкой, которую раньше времени не разгадаешь.

...Приедитис отряхнул костюм, на который налипла паутина, и стал подниматься по земляным ступеням.

Только он вошел в коридор, как из своей комнаты выскочила соседка. Ее Приедитис терпеть не мог. Она была любопытна, сварлива, и, кроме того, присутствие в квартире постороннего человека настораживало и беспокоило Приедитиса.

Соседка загадочно улыбнулась:

— Петерис Янович, вам письмо. Нет, так не отдам. Танцуйте!

Приедитис испуганно посмотрел на женщину. Нет ли здесь какой-нибудь ловушки?

— Мне? Письмо? — удивленно переспросил он. Приедитис и в самом деле не мог сообразить, кто ему мог писать.

— Да, вам. Из Москвы. От гражданина Андерсона. Вот тут на конверте все написано.

Приедитис пожал плечами:

— Это ошибка. Я такого человека не знаю. Соседке стало даже неловко.

— Ну, словом, нате, — разочарованно протянула она, отдавая толстый конверт. — Вижу, танцевать вы все равно не будете.

Приедитис осторожно, точно это было лезвие опасной бритвы, взял письмо и заперся в комнате на ключ. Он еще раз взглянул на конверт. Письмо, действительно, было адресовано ему. «Но от кого?»

Разорвав конверт, он обнаружил там деньги. Сердце Приедитиса ёкнуло. Конечно же, это оттуда! Он пересчитал хрустящие бумажки. Денег было немного, всего четыреста двадцать рублей. Но почему четыреста двадцать, а не пятьсот, например? «Неужели Кулл высчитал с меня федеральный налог?» — пришла в голову нелепая мысль.

Он не сразу заметил что в конверт еще вложена записка:

«Дорогой Петерис Янович! Как мы условились, я продал твои часы. Высылаю вырученные деньги. Жду от тебя известий. Жму руку. Привет. Андерсон».

Радостное чувство, охватившее было Приедитиса, сменилось тревогой, едва он подумал о соседке. Не иначе, эта любопытная женщина не удержалась, распечатала письмо, увидела деньги и прочитала записку. Он выругал себя за то, что неосмотрительно разорвал конверт. Теперь нельзя было узнать, вскрывали ли его раньше или нет. Приедитис в волнении зашагал по комнате. Потом он сбегал в магазин, принес пол-литра водки и, не закусывая, выпил граненый стакан. «Ну, а если она все-таки заглянула в конверт? Пожалуй, надо пойти к ней, потолковать, а то еще подумает черт знает что».

Приедитис выпил еще полстакана, снял со стены небольшой этюд и направился к ней.

Соседка гладила. Увидев Приедитиса, она поставила утюг на конфорку:

— Ну как, прочитали письмо? Вам?

«Интересуется! Конечно, заглядывала

внутри», — решил Приедитис. Он почувствовал, что водка сильно ударила в голову.

— Да, прочитал, — сказал он, — так, пустяки. Вот я вам свою картинку принес. Принимаете подарок?

— Да что с вами, Петерис Янович! — засмушалась соседка: — Никогда не дарили и вдруг... Ну спасибо. Очень милый этюд.

— А письмецо, знаете, мне старый товарищ написал. Я даже не поверил, что это он. Часы мои он продал года полтора назад. А теперь деньги решил выслать.

— Честный человек, — сказала соседка, — не зажулил.

— Честный, — подтвердил Приедитис.

— Ну что ж, деньги теперь получите...

Приедитис не спускал с нее глаз. «Прикидывается или нет?» — думал он.

— А товарищ мой и деньги прислал. В письме. Четыреста двадцать рублей.

— В простом письме? И не пропали?

— Чего же им пропадать? На почте у нас писем не вскрывают.

Приедитис спохватился, что спьяну может наболтать лишнего, и вернулся к себе, прилег.

Вечером он проснулся с больной головой. Допил остаток водки. Стало легче. И сразу же вспомнил о злополучном письме: «Убедил ли я эту старую ведьму в том, что здесь нет ничего странного?»

Приедитис пошел на кухню, где стряпала соседка, и вновь осторожно повел разговор о письме...

Эта навязчивость Приедитиса переполнила чашу терпения старой женщины. «Чего это он

все время пристаёт со своим письмом? Наверное, тут что-нибудь нечисто». Уже давно она собиралась зайти в милицию и поделиться своими подозрениями в отношении соседа.

И вот наутро по дороге на рынок она зашла к заместителю начальника отделения милиции.

— В нашей квартире живет какая-то темная личность. Рисует разные картинки и, по моему глубокому убеждению, нигде не работает. Куда он деваает эти картины? Продает их, наверное, по спекулятивным ценам на базаре. А вчера узнаю, что этот тип через своего посредника сбывает в Москве какие-то часы. Конечно, спекулирует! На что же он иначе живет? Сестра у него машинистка, много ли зарабатывает? Раньше она говорила, что у нее совсем нет родных. А год назад вдруг неизвестно откуда появляется родной брат. А может быть, он не брат ей вовсе?

— Погодите, — остановил ее старший лейтенант. — Давайте по порядку. Как его фамилия?

— Приедитис Петерис Янович... А вчера он получил какое-то странное письмо из Москвы, в котором были деньги. От гражданина Андерсона, который живет на улице Горького, 23. Адрес я сама прочитала на конверте.

Старший лейтенант попросил женщину письменно изложить суть своего заявления и пообещал поинтересоваться Приедитисом...

На следующий день в Москву был послан запрос о гражданине Андерсоне, проживающем по улице Горького, 23. Милиция навела справки и о Приедитисе. Домоуправление под-

твердило, что этот человек нигде не работает, рисует на дому и что приехал он из Ленинграда, где работал на фанерном заводе. Показалось странным: прессовщик фанерного завода вдруг переквалифицировался в вольные художники. Послали запрос и в Ленинград.

Ответы на оба запроса пришли почти одновременно. Ленинград сообщал, что Петерис Янович Приедитис действительно работал на фанерном заводе, но он умер несколько лет назад, и его прах сожжен в крематории. Из Москвы написали, что в доме № 23 по улице Горького гражданин Андерсон не проживает. Там находится драматический театр имени Станиславского.

Глава пятая

СЕМЕ-СЧАСТЛИВЧИКУ НЕ ПОВЕЗЛО...

1

Такую завидную кличку Сема Зильберман получил потому, что судьба питала особую благосклонность к его скромной и ничем особенно не примечательной особе. Вот уже семь лет он совершал поступки, пресекаемые уголовным кодексом, и ни разу не попадался. Сема-счастливчик и кодекс существовали и действовали параллельно, не приходя в соприкосновение друг с другом.

Сема «работал» только на вокзалах и в поездах: он ленился забираться в кармачы,

которые содержали менее ста рублей. А на вокзалах в карманах пассажиров лежали сотни, а то и тысячи. И потом Сема-счастливчик был немного психологом. Он понимал, что люди, ставшие пассажирами, немного теряют голову. Они становятся предрасположенными к продолжительному сну, неумеренной еде, общительности и ротовейству.

Постоянно прописанный на Подоле в Киеве, Сема-счастливчик, как только расцветали акации, отправлялся в вояжи. Муза дальних странствий влекла его на маленькие приморские станции, куда уплывали деньги из больших городов.

Вот, собственно, какими судьбами оказался Сема-счастливчик на Рижском взморье. Сема не любил тратить время на раскачку. Он сразу же приступил к «работе».

...На маленькой железнодорожной станции рижский поезд стоит всего три минуты. Сема выбежал из буфета и, дожевывая на ходу бутерброд, вскочил на подножку.

В тамбуре он увидел молодого человека, который, сжимая в зубах сигарету, беспокойно поглядывал в окно.

— Не угостите ли папироской, коллега? — обратился к нему Сема-счастливчик.

Молодой человек, занятый своими мыслями, вздрогнул, торопливо полез в карман. Сначала он извлек бумажник, переложил его в плащ, затем вытащил пачку сигарет.

— Нервничаете? — участливо спросил Сема-счастливчик, прикуривая и дружески придерживая молодого человека за талию. — К невесте, небось, едете? Но жениться не торо-

питесь, не советую. Простите, вы не бывали в Киеве?

Молодой человек ничего не ответил и повернулся к окну.

Сема-счастливчик не любил невежливых людей. Он холодно попрощался, открыл дверь вагона и тут же заперся в туалете.

— Интересно, сколько денег носит при себе этот невоспитанный юноша? — подумал вслух Сема-счастливчик.

При этом он взмахнул рукой так, словно намеревался пуститься в пляс. Из рукава выскочил бумажник. Сема заглянул внутрь.

— Ого! — воскликнул он, пересчитывая пачку сторублевых. — Восемьсот карбованцев.

Он открыл другое отделение бумажника и вынул оттуда военный билет.

«Неужели мама не говорила ему, что документы нужно хранить отдельно от денег?» — подумал Сема-счастливчик.

Он спрятал деньги и военный билет в карман, а пустой бумажник выбросил в окно. Насвистывая «Киевский вальс», Сема выбежал из туалета. Молодой человек, угостивший его сигаретой, уже прошел в вагон. Он сидел возле самой двери и по-прежнему курил. Весь его вид говорил о том, что он еще не подозревает о пропаже. Сема-счастливчик отыскал свободное место у окна и углубился в чтение газеты.

В вагон вошел контролер. Молодой человек достал билет из нагрудного кармана, предъявил его контролеру. Тот щелкнул щипчиками и проследовал дальше. Наконец очередь дошла до Семы-счастливчика.

— Ваш билет.

— Это вы мне? — осведомился Сема и равнодушно зевнул.

— Предъявите билет, — повторил контролер.

Сема вытащил из кармана сторублевку, свернул ее трубочкой и протянул железно-дорожнику:

— Я вас очень прошу о небольшой любезности: купите мне билет сами и вышлите его по почте. А сдачу можете прокутить с приятелями.

Контролера возмутил наглый ответ безбилетного пассажира, и он вызвал милиционера:

— Разберитесь, пожалуйста, на каком основании этот тип предлагает мне взятку.

Милиционер потребовал, чтобы Сема предъявил документы. И тут Сема-счастливчик смекнул, что дело может кончиться плохо. Он неожиданно вскочил на ноги, оттолкнул милиционера и попытался пробраться к двери. Милиционер успел схватить Сему за руку. Вор ударил его ногой и побежал к выходу. Милиционер кинулся за ним...

В то же мгновение сидевший у двери молодой человек выскочил в тамбур и, не раздумывая, выпрыгнул из поезда...

Все ахнули, а пожилой мужчина даже рванулся к стоп-крану. Но выйти в проход ему не удалось. Кто-то из пассажиров подставил бегущему Семе-счастливчику ногу, и он брякнулся на пол. К нему подоспели милиционер и кондуктор. В проходе образовалась пробка.

Словом, на следующей остановке Сему-счастливчика доставили в дежурную комнату

милиции. Здесь у него отобрали восемьсот рублей и военный билет на имя Юрия Николаевича Ванагса. Милиционер взглянул на фотографию владельца билета и узнал в ней молодого человека, который совершил такой безрассудный поступок.

Начальник отделения определил Сему-счастливику в камеру до выяснения личности. А военный билет, недолго раздумывая, направил в тот военкомат города Риги, где, согласно отметке, состоял на учете его владелец — Юрий Николаевич Ванагс.

2

Пакет с военным билетом Ванагса вскрыл начальник четвертой части военкомата, капитан Белкин.

— Ну и парень, — покачал головой капитан. — Ротозей!

Капитан вызвал секретаршу:

— Уточните по учетному листу домашний адрес Ванагса Юрия Николаевича, он потерял военный билет. И пошлите ему повестку. Пусть явится для объяснения.

Секретарша возвратилась нескоро.

— Товарищ капитан, у нас нет учетной карточки Ванагса.

— А вы хорошо посмотрели?

— Все перерыла два раза. А когда он поставлен на учет?

Капитан открыл один из последних листочков билета:

— Да совсем недавно. Двадцать седьмого прошлого месяца.

— Двадцать седьмого? — переспросила сек-

ретарша. — Это когда я уже возвратилась из отпуска. Что тогда у нас было? — Она подошла к настольному календарю, перелистала странички. — Так двадцать седьмого была пятница! — воскликнула женщина. — А по пятницам приема не бывает. В этот день он никак не мог стать на учет.

Капитан посмотрел на листок календаря, потом еще раз заглянул в военный билет, почесал затылок:

— Хм, действительно странно. Ну хорошо. Вы свободны. Я разберусь.

Капитан позвонил в адресный стол:

— Будьте добры, скажите, пожалуйста, по какому адресу проживает гражданин Ванагс Юрий Николаевич, уроженец города Елгавы, 1929 года рождения?

Капитана попросили немного подождать у телефона. Через несколько минут звонкий девичий голос ответил:

— Вы слушаете? Такого гражданина в Риге нет, не прописан.

— Как не прописан? — переспросил капитан, но в трубке уже раздавались короткие гудки.

Капитан удивился еще больше. Человек, не прописанный в Риге, поставлен на учет в военкомате, причем в такой день, когда не было приема.

«Тут какая-то липа», — подумал капитан.

Загадочный военный билет был отправлен с нарочным в Комитет госбезопасности и оказался у подполковника Алксниса.

...Подполковник внимательно разглядывал билет Юрия Николаевича Ванагса. Внешне

документ не вызывал никаких подозрений. От других военных билетов он не отличался ни размерами, ни цветом обложки, ни шрифтом букв, ни количеством страниц.

С фотографии, заверенной круглой печатью военкомата, глядело на подполковника приятное лицо молодого человека лет двадцати шести.

Словом, внешне военный билет казался самым настоящим. И в то же время этот симпатичный молодой человек, что, чуть сжав губы, застенчиво улыбался с фотографии, в жизни был, вероятно, далеко не таким. По каким-то, пока не известным для Алксниса причинам он раздобыл фальшивый билет и, лишившись его, выпрыгнул с поезда, шедшего на полном ходу...

Подполковник пригласил к себе руководителя экспертной группы.

— Я прошу вас проверить этот документ, — сказал он эксперту. — Взгляните, какие в нем безукоризненные штампы и печати. Не правда ли? А между тем они поддельные. Кустарным способом этого достигнуть нельзя.

Вскоре Алкснис получил результаты экспертизы. Они были настолько поразительными, что подполковник решил немедленно собрать работников отдела. Когда все были в сборе, Алкснис сказал:

— Я попросил вас зайти ко мне для того, чтобы сообщить важную новость. Не только печать и штампы, но и сам военный билет Ванагса оказался подложным. Химическим анализом установлено, что бумага иностранная. Но это еще не все. Самое главное то, что би-

лет изготовлен из того же сорта бумаги и отпечатан на тех же полиграфических машинах, что и военный билет, найденный при убитом американском шпионе Риекстиньше на хуторе Дреймани год назад.

Присутствующие оживились. Алкснис подождал, пока уляжется легкий шум.

— Так что эта птица залетела к нам из того же гнезда, что и Риекстиньш. Помните, и тогда у нас было предположение, что Риекстиньш заброшен не один. И вот вам доказательство. Но опять здесь есть неясность. Тогда мы имели данные, что второй нарушитель внешне похож на бригадира Эверта. Но Эверту больше сорока, а Ванагс, как это видно по фотографии, почти в два раза моложе. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с третьим лицом. Однако ясно одно: шпион ехал в Ригу, здесь у него какие-то дела, и он, конечно, не откажется от своих замыслов. Он придет в Ригу, если еще не приехал. О нем мы знаем уже немало. Мы имеем его фотографию, известно также, что он скрывается под фамилией Ванагс. Рига город не маленький, но человек — не иголка, чтобы затеряться в нем бесследно.

Алкснис вынул из ящика письменного стола несколько отпечатков размером с открытку.

— Фотография Ванагса уже размножена в увеличенном виде, и вы ее получите сегодня же. Нам предстоит организовать наблюдения за вокзалами, гостиницами, столовыми — за всеми общественными местами, где может появиться Ванагс. Нужно оповестить милицию, связаться с больницами...

— С больницами? — удивленно переспросил Лидумс.

— Да, с больницами, — подтвердил подполковник. — Ванагс на полном ходу выпрыгнул из поезда. Наверняка он получил ушибы, если не вывихи или переломы. Он может обратиться за медицинской помощью. Задача ясна? Тогда не будем терять времени.

3

Лейтенант Лидумс получил задание вести наблюдение за вокзалом. Вот оно и наступило, то горячее время, о котором говорил ему подполковник.

Часы показывали начало двенадцатого, но на улице было хмуро, как в сумерках. Моросил дождь, и порывистый ветер с моря больно хлестал по лицу потоками водяных брызг.

До вокзала Лидумс решил пройти пешком. Он спустился по улице Ленина до обелиска Свободы и берегом канала вышел к вокзальной площади. Лейтенант потолкался у справочного бюро, заглянул в билетные кассы, спустился в камеру хранения, прошелся мимо стоянки такси.

«Нужно встречать и провожать каждый поезд, — решил лейтенант. — Без дела Ванагс здесь крутиться, очевидно, не будет».

Лидумс купил перронный билет и вошел в здание вокзала. В зале ожидания он отыскал свободную скамейку и вынул из кармана пальто свежую газету. Он успел прочесть все четыре страницы, начиная от передовой и кон-

чая происшествиями, прежде чем прибыл пригородный поезд.

Лидумс вышел на перрон. Навстречу ему двигалась шумная разношерстная толпа. Лейтенант внимательно оглядывал приезжих, но того, кого он искал, среди них не было.

Но вот людской поток на перроне поредел. Вагоны поезда опустели. И вдруг Лидумс заметил, как из предпоследнего вагона вышел человек, как две капли воды похожий на бригадира Эверта.

«Что за чудеса! — удивился Лидумс. — Где появляются шпионы, там неизменно присутствует эта личность».

Двойник Эверта нес большую плетеную корзину и желтый кожаный чемодан. Лидумс пошел навстречу и теперь готов был поклясться, что перед ним сам Эверт, а не его двойник.

— Здравствуйте, товарищ бригадир, — громко произнес лейтенант, когда Эверт поравнялся с ним.

Бригадир поставил свою ношу на землю, повернулся, пристально поглядел на Лидумса. «Не узнаёт», — подумал лейтенант.

Но Эверт все же узнал его.

— А, лектор, добрый день, — улыбнулся бригадир. — Едва признал вас в штатском костюме. Давненько вы у нас не бывали! Вы что, демобилизовались?

— Да нет, служу, — ответил лейтенант. — Вышел встретить одного человека, да, видно, он не приехал... Давайте я вам корзину помогу поднести.

— Ну что же, спасибо, — не стал возражать Эверт.

При выходе на вокзальную площадь Лидумс остановился:

— Вам далеко, товарищ бригадир, может быть, такси взять?

— Да нет, совсем рядом. До гостиницы «Рига». Нас тут в министерство вызвали, на совещание полеводов, — объяснил Эверт. — В «Риге» товарищи из министерства номеров обещали заказать.

— Может быть, в гостиницу позвонить, узнать насчет номера? Что зря ходить и время тратить. Сейчас я звякну! — предложил Лидумс, а сам подумал: «Если он действительно на совещание приехал, то номер должен быть забронирован».

Лидумс забежал в телефонную будку, набрал номер гостиницы.

— Министерство сельского хозяйства должно было заказать номер для бригадира Эверта из Айзпутского района. Есть ли заявка?

— Сейчас взгляну, — ответил ему дежурный администратор. — Эверт, Эверт... Вы слушаете? Такой заявки к нам не поступало.

— Как же быть?

— Приходите — устроим, у нас есть свободные номера.

— Так, значит, запомятовали товарищи из министерства, — добродушно усмехнулся Эверт, выслушав лейтенанта. — Спасибо, товарищ лектор. Теперь я сам доберусь.

Бригадир взял в руки свою ношу и вскоре исчез в толпе.

Встреча с Эвертом всерьез смутила Лидумса. Номера для него не заказывали, хотя бригадир говорит, что вызван на совещание.

«Нужно позвонить в министерство», — решил Лидумс и снова зашел в телефонную будку. В справочной министерства лейтенанту сообщили номер телефона сотрудника, ведающего подготовкой к совещанию.

— Простите, вы вызывали в Ригу бригадира Эверта из Айзпутского района? — спросил Лидумс.

— Да, вызывали, а что?

— Тут какая-то неурядица вышла. Ему забыли заказать номер в гостинице. Хорошо, что там оказались свободные места.

— Неурядицы никакой нет, — объяснил работник министерства, — мы хотели заказывать номера, но выяснилось, что в гостиницах много свободных мест. На дворе осень, приезжих мало. Так что бронировать гостиницу не было нужды.

Лейтенант поблагодарил за справку и повесил трубку. Все как будто бы становилось на свои места.

Глава шестая

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО С ДРАГОЦЕННЫМ КАМНЕМ

1

Ванагс упал на бок, перевернулся несколько раз и угодил в жидкую грязь дождевого рва. «Жив, — мелькнуло в голове. — Раз могу думать — значит жив!»

Решение выпрыгнуть из вагона созрело у него мгновенно, как только он увидел, что навязчивый человек, пристававший к нему с глупыми расспросами в тамбуре, милиционер и железнодорожный контролер бросились к нему...

Превозмогая боль в ключице, Ванагс приподнялся на локте и увидел, как за поворотом исчезают красные огоньки хвостового вагона. «Не остановились», — обрадовался он.

Ванагс пополз по пашне туда, где на фоне синего звездного неба темнели верхушки леса. До чащи он добирался долго, может быть, часов пять. Здесь он и обнаружил, что у него нет ни военного билета, ни бумажника. Это испугало его еще больше. «Так я и знал, что комедия в поезде была разыграна лишь для того, чтобы схватить меня, — решил Ванагс. — Но как им удалось опознать меня и вытащить документы?»

Это было для него загадкой. Ванагс долго размышлял о таинственной пропаже, пока наконец не забылся...

Утром он почувствовал, что ушибы не так серьезны, как показалось вчера. Он поднялся и, припадая на больную ногу, пошел прочь. Надо было как можно дальше уйти от этого места. Ванагс решил пробираться в Елгаву. Там он никогда не бывал, а между тем в его документах значилось, что именно в этом городе он родился. Ванагсу нужно было хотя бы немного ознакомиться с Елгавой, чтобы невзначай не попасть впросак.

Соблюдая все меры предосторожности, Ванагс двигался только ночами, а днем отсиживался в лесах. Лишь через семь дней он пришел в Елгаву. И только здесь, в Елгаве, стоя у развалин старинного екатерининского замка, Ванагс вспомнил, что наступило десятое число. Сегодня в шесть часов в Задвинье, у входа в Ботанический сад, он должен встре-

титься с человеком, к которому идет. Но Ванагс решил не являться на встречу. Это опасно. Ведь его ищут, быть может, за ним уже следят.

Ванагс поехал в Бауску. Через день он появился в Риге, погулял у обелиска Свободы, а вечером уехал на пароходе в Ассари. Десять дней переезжал он из города в город, замечая следы.

Это были тяжелые дни. Ушиб на ключице превратился в большую гнойную язву. Ванагс коротал ночи в лесах под холодным дождливым небом. У него кончались последние деньги. Вернее, у него было много денег, но они были зарыты в далеком пограничном лесу, вместе с передатчиком, шифр-блокнотами, топографическими картами. Но идти туда он не решался.

Однако пора было подумать о том, как связаться с человеком, к которому он пришел. Там, на Западе, было условлено, что в случае, если связь не будет налажена, он, Ванагс, поместит в республиканской газете объявление о пропаже золотого кольца с драгоценным камнем. Через десять дней человек, которого он ищет, придет ровно в двенадцать часов к воротам Лесного кладбища.

Ванагс все откладывал посещение редакции. Он опасался появляться в официальном учреждении. Ведь его наверняка разыскивают чекисты. Ванагс успокаивал себя тем, что об этом не могут знать работники редакции. Не выдавая себя, он мог подписать объявление любой вымышленной фамилией, в которой дважды повторялась бы буква «В». Со-

общник поймет сигнал и явится на встречу. «Подать текст объявления и уплатить деньги — дело всего каких-нибудь пяти минут. Найму такси. Машина будет ждать меня у подъезда. Чуть что — скроюсь», — решил он.

Но поместить объявление оказалось делом непростым. Девушка из приемной редактора отправила Ванагса в отдел писем. Заведующий отделом, очень любезный молодой человек, внимательно выслушал Ванагса.

— Должен вас огорчить, — сказал журналист. — Наша газета подобных объявлений не печатает. Розыском краденых и пропавших вещей занимается милиция.

Это было для Ванагса большой неожиданностью. Американские офицеры, инструктировавшие его перед дорогой, утверждали, что поместить подобное объявление не представляет никакого труда. «Тоже, знатоки»! — зло подумал он.

Ванагс попросил заведующего отделом сделать исключение. Он объяснил, что кольцо ему особенно дорого, так как является единственной памятью о матери.

— К сожалению, газета все же не сможет дать такое объявление, — сказал журналист. — Но мы постараемся вам помочь. Я сейчас свяжусь с работниками бюро находок милиции и от имени редакции попрошу их хорошенько поискать ваше кольцо.

Он потянулся к телефону. Ванагс вздрогнул. Помощь милиции в розыске несуществующего кольца никак не входила в его планы. Надо было как-то выкручиваться из этой нелепой истории.

— Ну, зачем вам беспокоиться! Я сам схожу в бюро находок.

— Помогать читателям — наш долг. Для этого мы тут и сидим.

С этими словами заведующий принялся набирать номер. Ванагс сорвался со стула, подбежал к письменному столу, схватился обеими руками за телефонную трубку:

— Право, не хочется вас утруждать. Да и милицию не стоит по пустякам беспокоить, — почти выкрикнул он.

Заведующий отделом писем в нерешительности повесил трубку:

— Как хотите...

Журналист заметил, как изменился в лице посетитель. Губы его дрожали, руки, не находя места, нервно мяли шляпу.

«Что-то тут не совсем чисто, — подумал заведующий. — Какой-то странный визит, нелепая просьба, неожиданный испуг».

— Я попробую поговорить с ответственным секретарем о вашей просьбе, — стремясь выиграть время, сказал журналист. — Вы пока напишите заявление на имя редактора. Вот ручка, чернила. А я сейчас вернусь.

Журналист зашел в соседний отдел, плотно прикрыл за собой дверь и позвонил в милицию.

— Говорят из редакции. К нам явился подозрительный субъект — какой-то Вайвадс, хочет поместить объявление о пропавшем кольце, хотя даже первоклассники знают, что подобных объявлений газеты не печатают. Когда мы посоветовали ему обратиться в милицию, он смертельно испугался.

— Наш работник через несколько минут будет у вас, — ответил дежурный. — Постарайтесь задержать у себя этого гражданина.

— Это нетрудно, — заверил его журналист. — Посетитель сейчас пишет заявление.

Но заведующий ошибался. Его кабинет был уже пуст. Журналист подошел к окну и увидел, что странный посетитель стремительно выбежал из подъезда...

2

— Трогай! — крикнул Ванагс шоферу такси, вскакивая в машину.

— Куда?

— Прямо и поскорее. Я опаздываю.

«Победа» рванулась с места и помчалась по улице. «Неужели меня опознали? — подумал Ванагс. — Нет, должен уйти!»

— Куда вас везти? — повторил свой вопрос шофер.

— Я сказал, ехать прямо! — резко бросил Ванагс, косясь на шофера. И, нащупывая в кармане рукоятку пистолета, подумал: «Чуть что — прикончу».

Водитель равнодушно кивнул головой:

— Добро.

— Быстрее! Я же сказал, что опаздываю.

Такси летело по улице с предельной скоростью. Ванагс оглянулся и заметил, что за ними следуют две машины. «Погоня!» — похолодел Ванагс и, нагнувшись к шоферу, хрипло проговорил:

— Еще быстрее!

— Быстрее нельзя, — спокойно ответил тот.

— Я вам даю тройную плату.

Ванагс вытащил из кармана последнюю сторублевую бумажку и бросил водителю.

— Сворачивайте к Лесному кладбищу. Я забыл на кладбище сверток, — минуту спустя сказал Ванагс и подумал: «Там выскочу и уйду».

Такси свернуло в боковую улицу, долго петляло по переулкам и, наконец, вылетело на большую дорогу. Ванагс уже схватился за ручку дверцы, когда увидел, что из ворот Лесного кладбища вышли трое военных. Конечно, они могли оказаться здесь совершенно случайно. Более того, Ванагс был почти уверен, что это так: ведь никто, даже он сам, не знал, что окажется здесь. Но в его положении нельзя было рисковать.

— Едем прямо на аэродром, — сказал он.

— А сверток? — удивился шофер.

— Я же говорил, что тороплюсь.

— Да, но мы ехали совсем в другую сторону.

— Я плачу за проезд, какое вам дело? — грубо оборвал его Ванагс.

«Победа» развернулась.

— Ехать с той же скоростью! — приказал Ванагс.

Позади остался мост через Даугаву, за стеклом машины мелькали маленькие домики Задвинья.

— Скорее! — торопил Ванагс. — Я опаздываю на самолет.

Впрочем, пассажир тут же раздумал ехать на аэродром.

— Прямо по шоссе, — приказал он.

Машина уже выехала из Риги. Навстречу ей летели перелески, мелькали дачи, проносились со свистом автомобили. Но вот шоссе с обеих сторон обступил лес.

Шофера уже давно охватило беспокойство. Что это за подозрительный пассажир? Ехал на кладбище за каким-то свертком, потом вспомнил, что ему надо на аэродром, а теперь, никуда не заезжая, гонит за город. «Еще ограбит или отнимет машину. — испуганно подумал водитель. — Нет, от этого типа надо избавиться, и как можно скорее. Но как? Проще всего нарушить правила движения: пусть подойдет милиционер, проверит его документы...»

На перекрестке, у регулировочного поста, шофер резко повернул руль, и машина со скрежетом остановилась на левой стороне шоссе. Раздался пронзительный свисток. Водитель открыл дверцу и заторопился к регулировщику.

Ванагс не стал ждать развязки. Он выскочил из такси и исчез в густом кустарнике...

...Ванагс бежал по лесу, возвращаясь назад и делая петли, чтобы сбить с толку возможных преследователей. Еще через час он вышел к железнодорожному полотну. Проходящий мимо товарный состав замедлил на повороте ход, и Ванагс вскочил на подножку вагона.

Поезд шел на запад. Ванагс стоял в тамбуре, не выпуская из рук пистолета. «Работать невозможно, — думал Ванагс. — Что делать? Куда бежать? В Риге появляться нельзя — схватят. Нет; нужно пробираться к тайнику, выкапывать передатчик и обязательно связаться с разведцентром. Доложить, что выхода нет,

что связь так и не налажена, спросить совета. И в любом случае уходить. Перебираться через границу».

От этого решения на душе у Ванагса стало легче. На станции Ауце он незаметно отстал от состава...

Ванагс вошел в деревянное здание вокзала, попил воды из жестяного бака. Заглянул в комнату отдыха, понаблюдал, как двое железнодорожников играют на бильярде.

Затем он перекусил в буфете и, дождавшись ночи, ушел в лес.

...Четверо суток пробирался Ванагс к своему тайнику. В пограничном лесу, под старой березой, Ванагс в полночь откопал передатчик, несколько толстых пачек денег, шифр-блокноты. Кругом было тихо, и он чувствовал себя в полной безопасности.

И вдруг шпион услышал негромкий, но решительный окрик:

— Руки вверх!

Ванагсу показалось, что у него началась слуховая галлюцинация. Но окрик повторился. Шпион бросился бежать. Навстречу из-за дерева выскочил молоденький офицер. Не останавливаясь, Ванагс выстрелил. Человек, бегущий на него, упал. И в то же мгновение высокий крепкий офицер, неожиданно вынырнув из-за кустов, выбил у него пистолет, повалил на землю и больно сжал руки...

Ванагс был уверен, что ни одна живая душа не видит его. Между тем каждый его шаг был известен чекистам. Они следовали за ним неотступно с того самого момента, как он вскочил в такси у здания редакции...

Утром шпион предстал перед следователем.
— Назовите ваше настоящее имя, отчество и фамилию.

Шпион не стал изворачиваться. Его поймали с поличным. Игра была проиграна.

— Меня зовут Леонид Николаевич Зариньш, — ответил он.

— Какое задание вы имели от американской разведки?

— Я шел к человеку, которому должен был передать десять тысяч рублей и работать у него полгода радистом. Потом мне должны были дать самостоятельное задание.

— Где и когда была назначена явка?

— Десятого, у входа в Ботанический сад.

— Опишите приметы человека, с которым вы встречались.

— Я с ним не виделся, и кто он такой, не знаю. Я не пошел на встречу, так как после случая в поезде был уверен, что за мной следят и что я могу не только попасться сам, но и провалить другого агента.

— Расскажите, как вы стали американским шпионом...

Глава седьмая

ОТВЕТ ГАРРИ ТРУМЭНА

1

Все началось с того, что в голове у студента электротехнического факультета Луизианского университета Леонида Зариньша возникла весьма оригинальная идея ниспровержения коммунизма. В небольшом американском городке Батен-Руже, где находился университет, к Зариньшу относились с повышенным интересом: он считался беженцем из СССР и поэтому учился на деньги из «благотворительного фонда», созданного американскими миллиардерами.

Как только Зариньш переплыл океан и ока-

зался в Новом Орлеане, у него попросили интервью корреспонденты местных газет. В интервью Зариньш критиковал советские порядки и восхвалял американский образ жизни. Но о том и о другом он знал лишь понаслышке: в Америке Зариньш был только первый день, а в Советской Латвии прожил всего год: с тринадцати до четырнадцати лет. Затем Латвию оккупировали фашисты. В семнадцать лет он вместе со всеми своими родственниками бежал в Германию: у семейства Зариньш были все основания не дожидаться прихода советских войск.

Словом, о Советском Союзе Леонид Зариньш слышал лишь от своего отца, убежденного фашиста, который с первых же дней оккупации предложил гитлеровцам свои услуги.

В Луизианском университете никто, разумеется, не пытался открыть Зариньшу глаза на истинное положение вещей. Наоборот. В церкви священники произносили проповеди, полные клеветы на СССР. И студенты, по призыву своих духовных отцов, молились, чтобы господь помог американскому правительству уничтожить коммунизм.

По вечерам в университетском баре проводились шумные дискуссии. Здесь строились разные проекты уничтожения советского государства, реставрации капиталистических порядков в странах народной демократии. Желторотые демагоги, надувшись от важности, как мыльные пузыри, пытались убедить друг друга, что своими нелепыми, малограмотными речами они влияют на судьбы народов и государств.

К студентам приходили разные подозрительные лица, бывшие министры бывших буржуазных республик и монархий, которых освободившиеся народы вышвырнули из своих стран. Они рассказывали студентам об «ужасах», якобы творящихся за «железным занавесом». Вместе с ними студенты до утренней зари обсуждали статьи американских газет, трубящие на весь мир о неизбежности новой войны.

На одном из подобных сборищ выступил Леонид Зариньш. Он говорил о том, что Советский Союз настолько силен, что его невозможно победить в открытой войне.

— Лучше всего взорвать советский строй изнутри, путем шпионажа, диверсий и политических убийств, — заявил Зариньш. — Для этого нужно организовать широкую антикоммунистическую деятельность внутри СССР.

Выступивший вслед за Зариньшем беглый венгерский министр из правительства Хорти назвал эту мысль весьма оригинальной и остроумной.

Похвала бывшего министра воодушевила Зариньша, и он пустился в дальнейшие изыскания.

Долгое время Зариньш считал себя создателем новой, законченной теории уничтожения коммунизма. Но вот однажды он прочел одно из официальных выступлений тогдашнего президента Соединенных Штатов Америки Гарри Трумэна. Прочел — и понял: Трумэн говорит, собственно, то же, что и он, Зариньш.

Тогда Зариньш написал обстоятельное письмо своему высокому единомышленнику.

Через полгода из секретариата президента пришел восторженный ответ. В нем говорилось, что господин Трумэн с удовольствием прочел письмо, нашел его заслуживающим внимания и передал специалистам, которыми оно будет детально и всесторонне изучено.

Еще через полтора года Зариньш окончил университет. Ему улыбнулось счастье. Он быстро нашел работу в лаборатории телефонного общества «Белл» и поселился в Нью-Йорке, в доме № 357 по 26-й улице Бруклина.

Молодой инженер уже стал забывать о письме, посланном им Трумэну. Но оказалось, что кое-кто все еще хорошо помнит его автора.

...Однажды от чертежной доски Зариньша оторвал телефонный звонок. Чей-то незнакомый голос назначил ему срочную встречу в конце улицы Таймс-стрит по очень важному и секретному делу.

В назначенный час озадаченный молодой инженер был на условленном перекрестке. По приметам, сообщенным ему по телефону, Зариньш узнал человека, добивавшегося с ним встречи. Незнакомец был одет в клетчатое пальто, а в руках держал кожаный портфель.

Уже окончился трудовой день. На улицы из банков и контор высыпали тысячи служащих. Диск солнца скрывался за громадами небоскребов и, словно на смену ему, над городом вспыхивало разноцветное электрическое зарево: загорались огни бесчисленных реклам.

Незнакомец пригласил Зариньша в ресторан, заказал пива.

— Здесь нам будет удобно побеседовать кое о чем, — сказал он.

Зариньш не притрагивался к вспененному пиву, с нетерпением ожидая, что скажет ему собеседник. Но тот медлил, пристально разглядывая молодого инженера. Разговор он начал издавека. Но с первых же его слов Зариньш понял, что человек в клетчатом пальто прекрасно осведомлен о многих событиях его жизни. Инженер долго не понимал, к чему клонит собеседник. Но вот человек в клетчатом пальто спросил его в упор:

— Вы писали письмо господину Трумэну? Не так ли? — и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Это письмо у нас. Ваши мысли нам понравились. Думаем, что вы сможете нам немного помочь в осуществлении ваших же идей.

Человек в клетчатом пальто не стал больше играть в прятки и пояснил, что речь идет о выполнении задания американской разведки.

Зариньш опешил. Он никогда не мечтал быть ни солдатом, ни тем более шпионом. Он просто изложил свои мысли, соображения. И потом, это было так давно. Нет, он не намерен менять специальность. Он теперь инженер, имеет хорошее место, неплохо зарабатывает, у него собственная машина...

Незнакомец намекнул, что без содействия некоторых лиц, которые пока не желают, чтобы их имена были названы, он, Зариньш, не получил бы так быстро работы в телефонной компании «Белл». Но покровители — не благодетели. Они могут отвернуться от Зариньша: разве трудно уволить эмигранта и принять на его место настоящего американца?

Эту угрозу человек в клетчатом пальто произнес мягко, без нажима. Нет, он не думает, что Зариньшу реально грозит потеря места. Он просто обрисовал положение вещей для того, чтобы молодой инженер мог лучше оценить оказанную ему услугу.

— Мы уверены, что вы, господин Зариньш, настоящий латыш. Речь идет лишь об одном поручении. После этого вы вернетесь назад и будете по-прежнему работать инженером. Впрочем, вы сможете и не работать. Вам хорошо заплатят за ваш труд. Подумайте над этим, господин Зариньш.

Он обещал подумать.

При прощании незнакомец дал Зариньшу пухлую анкету, попросил ее заполнить и выслать в Вашингтон.

— Это вас ни к чему не обязует, — заверил человек в клетчатом пальто.

Через несколько месяцев Зариньша пригласили приехать в столицу. На вокзале молодого инженера встретил все тот же человек в клетчатом пальто, привез в гостиницу и представил полковнику американской разведки Куллу. Затем незнакомец попрощался с Зариньшем и вышел. Человек в клетчатом пальто исчез навсегда. Больше инженер его никогда не встречал.

Теперь Зариньш имел дело с полковником Куллом, толстым усатым человеком.

— Я не латыш, я американец. Но когда я думаю о вашем несчастном народе, у меня сердце обливается кровью. Вы правильно писали господину президенту, что если взорвать коммунистический строй изнутри...

Зариньш оживился:

— Только бы тряхнуть эту советскую машину, все бы латыши встали...

Но Кулл не дал Зариньшу закончить его мысль.

— Вы плохо представляете Латвию, молодой человек. Ваш папа информировал вас слишком односторонне. Вы должны знать хотя бы из книг, что латышские стрелки были верной опорой Ленина во время Октябрьского переворота и гражданской войны. А красные партизаны в годы германской оккупации, а тысячи латышских коммунистов, которые будут защищать советский строй! Предстоит борьба, — продолжал полковник, — тяжелая борьба. Но победа должна остаться за такими людьми, как вы, господин Зариньш, за настоящими патриотами. В Латвии живут не только сторонники, но и противники советского режима, их надо попытаться сплотить, организовать, чтобы в случае возникновения войны войскам стран свободного мира было на кого опереться.

...И Зариньш дал согласие работать в американской разведке.

Несколько месяцев его никто не беспокоил. Зариньш понимал: разведка всесторонне изучает его кандидатуру.

Наконец он получил приказание уволиться под благовидным предлогом с работы, явиться в Вашингтон и поселиться в гостинице «Степлер». Здесь его должен встретить американский офицер по кличке «Дэйл» — один из преподавателей разведывательной школы, где он будет учиться.

На большом автомобильном шоссе Вашингтон — Лорел днем и ночью чувствуется близость столицы. Нескончаемым потоком движутся автомобили — тянутся многотонные грузовики, цистерны с молоком, заливаясь трелями сирен, обгоняют друг друга «студебекеры», «форды», «доджи»...

Едущий по этой дороге не сразу обратит внимание на одинокую ферму Тейнтон, укрытую в молодой пролеске. Среди приземистых построек можно заметить двухэтажный дом и каменный гараж. На ферме — большой загон для скота, откуда никогда не доносится мычанье коров и блеянье овец: загон пуст. В некотором отдалении, на холме, — еще один дом. В нем живет старый фермер Джордж. Вот уже несколько лет Джордж не пашет, не сеет и не пасет скот. Он убирает комнаты большого дома и стряпает для его обитателей.

Здесь, на ферме Тейнтон, расположенной совсем недалеко от Белого дома — резиденции американского правительства, — помещается одна из конспиративных квартир американской разведки, где готовятся шпионы и диверсанты для подрывной работы в СССР.

Так и сосуществуют они неподалеку друг от друга: Белый дом, который не прочь заявить о миролюбии, демократии, благоденствии и других хороших вещах. И, словно в подтверждение этих принципов, — шпионская школа, откуда выходят убийцы и отравители...

В один из зимних вечеров в двухэтажном

доме на ферме Тейнтон появился новый жилец, молодой человек по кличке «Ленис». Его настоящую фамилию — Зариньш — в разведшколе знали всего два человека: полковник Кулл и старший преподаватель «Анди».

В первый же вечер комендант разведшколы Майкл ознакомил «Лениса» с распорядком и показал ему его комнату. В ней стояли шкаф, стол, несколько стульев и две кровати.

— Возможно, к нам прибудет второй курсант, — пояснил Майкл.

Но тот, второй, так и не появился до конца обучения.

На следующее утро начались регулярные занятия. В половине седьмого «Анди» поднял «Лениса» с кровати и повел на зарядку. После завтрака появился джентльмен в фетровой шляпе — инструктор предмета, именовавшегося в школе «вскрытие замков». Джентльмен извлек из своих карманов набор отмычек и показал «Ленису» «чистую работу». Так инженер-электрик восполнил первый пробел в своем университетском образовании.

День за днем, с раннего утра до позднего вечера, инструкторы натаскивали Зариньша. Первые часы — работа на ключе: передача радиосигналов. Этому «Лениса» обучал Майкл. Высокий сухощавый капитан, по имени Боб, показывал курсанту приемы самбо. Другой офицер, Джон, обучал его фотографированию документов. Лысый старик Лео показывал, как надо подделывать подписи, изготавливать штампы и печати.

В разведшколе с «Ленисом» вели занятия четырнадцать инструкторов, но больше всего

уделял ему внимания старший преподаватель «Анди». Он учил «Лениса» стрелять из пистолета и автомата, вел топографию. «Анди» преподавал еще предмет «тайную службу». В программу этого предмета входило изучение структуры советских органов госбезопасности и милиции. Инструктор подробно объяснял своему ученику, как нужно вести себя на допросах, в случае ареста.

Из всех инструкторов разведшколы «Анди» был единственным латышом по происхождению, и «Лениса» невольно тянуло к своему земляку. Ему хотелось о многом поговорить с «Анди», но «Ленис» не имел права разговаривать с преподавателями на посторонние темы. Ему было также запрещено писать письма, выходить из школы без сопровождения инструкторов.

Прошла зима. Растаял снег, и на деревьях набухли почки. Март застал «Лениса» в военном городке Грег-Казарм. Здесь под руководством «Анди» «Ленис» продолжал практические занятия.

В казармах размещались американские военные части; в бетонированных гаражах были спрятаны танки и бронемашины; на полигонах тренировались десантники. Чтобы не вызывать подозрений, «Анди» и «Ленис» были одеты в форму американских военнослужащих.

В окрестных лесах «Ленис» учился ходить по азимуту, разводить невидимые костры, продолжал тренировки в стрельбе.

В конце лета обучение было закончено. «Анди» отобрал у Зариныша все конспекты и собственноручно сжег их.

— Теперь вам придется рассчитывать только на свою память, — сказал «Анди».

Полковник Кулл был уже в Вашингтоне. Он сочинил для Зариньша вымышленную биографию, так называемую «легенду». Эту биографию «Ленис» должен был выучить наизусть, со всеми мельчайшими деталями, точно помнить имена, даты рождения, место работы выдуманных братьев и сестер.

...И вот наступил день отъезда. Утром к Зариньшу явился врач, одетый в форму офицера американской армии. Он принес медикаменты и яд и объяснил, как ими пользоваться. Потом приходили другие люди, которые доставили радиостанцию, оружие, топографические карты, поддельные документы, деньги.

Шли последние сборы в дорогу. Да, Зариньш знал, что этот момент наступит. Он готовился к нему долго, тщательно. Но вдруг Зариньшу стало невыносимо жутко. Почему все эти люди разговаривают с ним полупшепотом, словно в комнате лежит покойник? Он вспомнил, что никто не говорил ему, как надо выбираться назад. Он был обречен, и всем это было ясно. Он должен сделать столько, сколько успеет.

Зариньш вспомнил отца, сестренку, которым он не имеет права послать даже прощальную весточку. Как опрометчиво он тогда поступил, написав это злополучное письмо американскому президенту, с которого все и началось! Все бы отдал он сейчас за то, чтобы вернуться в свою квартиру на 26-ю улицу Бруклина, занять свое место за чертежным столиком в телефонном обществе «Белл». Но пути назад уже не было...

Вечером с Вестоверского аэродрома, что под Вашингтоном, в воздух поднялся военный самолет. Он взял курс на Европу. В самолете находилось всего три пассажира: Кулл, «Дейл» и Зариньш. Экипажу объяснили, что летят преподаватели иностранных языков, которые будут работать в штабе оккупационных войск в Западной Германии.

Самолет приземлился на аэродроме Франкфурта-на-Майне. Здесь «преподавателей» поджидал другой самолет, который доставил их в Мюнхен. На мюнхенском аэродроме они сели в армейский «джип». Американский сержант привез их на окраину города к дому, на котором не значился адрес. Они поднялись на второй этаж, вошли в пустую квартиру.

— Здесь заночуем, а завтра будем у самой границы, — сказал Кулл.

На следующее утро они опять были на аэродроме. И опять их возили самолеты по разным городам, названия которых Зариньш не знал. Кулл менял самолеты, стараясь соблюсти как можно больше конспирации. Вечером они ехали на поезде, потом мчались на машине. А дальше Зариньш должен был уже следовать один...

Полковник американской разведки Кулл. Портрет воспроизведен по памяти одним из захваченных агентов разведки США

Подполковник Алкснис работал над показаниями Зариньша, и его внимание все больше и больше приковывала к себе фигура человека, скрытого в дебрях американского шпионского центра под кличкой «Анди». Дело было не только в том, что он являлся одним из руководителей шпионской школы под Вашингтоном. На последнем допросе Зариньш показал, что американская разведка может направить «Анди» в СССР.

— Как-то после занятий по топографии «Анди» в минуту откровения сказал мне: «Возможно, судьба забросит меня опять в Ригу. Тогда мы с вами встретимся», — вспоминал Зариньш.

Подполковник открыл то место в показаниях Зариньша, где он описывает внешность старшего преподавателя. «Высокий, почти двухметрового роста, мужчина, лет сорока, широкоплечий, физически хорошо развит, волосы светлые, голова большая. Правильные черты лица». И далее: «Умеет себя держать в обществе: общителен и разговорчив, прекрасно танцует, нравится женщинам, спиртных напитков почти не употребляет».

Вот, собственно, и все. Подполковник прошелся по комнате, остановился у окна.

«Нужно еще раз поговорить с Зариньшем», — решил он.

Во второй половине дня в кабинет начальника оперативного отдела ввели арестованного. За неделю, что прошла с момента задержания, Зариньш заметно похудел, осунулся.

— Припомните, Зариньш, что вам еще известно об «Анди»? — предложил Алкснис.

— Я рассказал то, что знал, — ответил арестованный. — Могу только поделиться своими соображениями на этот счет. Я еще там, на ферме Тейнтон, много думал о нем...

— Да, пожалуйста, — кивнул подполковник.

— Как я вам уже говорил, — начал Зариньш, — Кулл и «Анди» жили очень недружно. Полковник опасался, что «Анди» при его способностях может оттереть его, Кулла, на второй план. Однажды в моем присутствии Кулл подковырнул «Анди». Он спросил у него: «Вы, говорят, хорошо знаете Ригу? Тогда скажите, какой раньше в Риге существовал автомат?» «Анди» сказал, что не знает. Кулл засмеялся: «Автомат. — это рижская префектура. Когда публика бросала камни в окна второго этажа, из дверей первого выскакивали полицейские». «Анди» обиделся. Видно, он имел какое-то отношение к ульманисовской полиции. «Правильное предположение», — отметил про себя подполковник.

— «Анди» хорошо знает Ригу, — продолжал Зариньш. — В разговорах он часто упоминал названия рижских ресторанов, улиц. Говорил он еще, что в молодости хорошо играл в футбол в какой-то приличной команде. Он, по моему, учился на сельскохозяйственном факультете университета, но курса, кажется, не окончил...

Больше о своем инструкторе Зариньш ничего не знал. Однако и этих сведений было достаточно для того, чтобы попытаться установить личность «Анди».

«Стоит поворошить архивы, — решил Алкис. — Может быть, что-нибудь и прояснится».

И вот работники государственного архива извлекли из старых шкафов пожелтевшие от времени личные дела всех рижских полицейских, начиная от постовых и кончая высокопоставленными чиновниками префектуры. Их было много, этих дел.

Сотрудники внимательно изучали анкеты, автобиографии. Некогда то, о чем сообщали эти полуистлевшие бумажки, было самой жизнью — выговоры, благодарности, продвижения по службе, интриги. Теперь же все это оказалось забытым, мертвым, ненужным, растревоженным и извлеченным на белый свет лишь для того, чтобы узнать имя полицейского, который учился в университете и хорошо играл в футбол.

День за днем листали работники архива документы, гора непросмотренных бумаг становилась все меньше...

И вот, наконец, сотрудники натолкнулись на личное дело участкового надзирателя 12 полицейского участка Риги Бромберга Леонида Петровича, уроженца хутора Урлес, Кандавской волости, сына крупного кулака. Это было единственное дело из всей груды документов, где подтвердились те скудные сведения об американском инструкторе «Анди», которые сообщил Зариньш.

В деле сохранилась фотография Бромберга двадцатилетней давности. И в молодом, безусом полицейском Зариньш узнал старшего преподавателя шпионской школы.

Объемистая папка рассказала о всей жизни

«Анди»-Бромберга. Нашлись также люди, которые хорошо помнили полицейского 12 участка Риги.

Действительно, Бромберг не окончил университета: провалился на экзаменах. Тогда он вступил добровольцем в 6 рижский пехотный полк и, оставшись в нем на сверхсрочную, прослужил несколько лет. Вернувшись из армии, Бромберг поступил работать в «санитарный стол». Так назывался полицейский орган, который вел борьбу с незарегистрированными проститутками.

Младший полицейский Бромберг работал с огромным, пожалуй, даже излишним рвением. В архивах префектуры уцелел документ, из которого явствует, что Бромбергу объявлен выговор за слишком грубое обращение с задержанными. Однако этот выговор не помешал Бромбергу вступить в фашистскую партию, а вслед за этим и получить должность участкового надзирателя в 12 полицейском участке Риги. Здесь способности Бромберга проявились в полную силу. Избиение рабочих, слежка за коммунистами, облавы — во всех этих делах Бромберг показал себя с лучшей стороны.

Но вскоре пал антинародный режим, и Латвия стала советской.

Надо было начинать жизнь сначала. Бромберг устроился нормировщиком в прачечную на улице Вентспилс. Он пересчитывал белье, вздыхал об ушедших днях и с надеждой поглядывал на Запад, откуда доносились истошные вопли гитлеровских генералов.

В тот день, когда фашисты заняли Ригу,

Бромберг облачился в свой обветшалый полицейский мундир и явился к зданию префектуры. Здесь он встретил многих своих друзей, которые повылезали из нор на свет божий и теперь наперебой предлагали свои услуги немецкому коменданту. Фашисты удовлетворили просьбу Бромберга: он получил свое старое место участкового надзирателя. Точно борзой пес носился Бромберг по участку, выслеживая патриотов. Он принимал участие в расстрелах коммунистов и евреев в Бикерниекском лесу.

Бромберг всей душой был предан гитлеровцам, которые освободили его от грязной работы нормировщика прачечной и вернули дорогие его сердцу полицейские погоны.

В дни, когда немецкие армии подходили к Сталинграду, фашистские порядки казались Бромбергу вечными и незыблемыми. И единственное, что беспокоило Бромберга — это как бы его не обошли другие, расхватывая должности, чины и земельные угодья из рук оккупационных властей. Именно из этих соображений Бромберг вступил в легион СС и получил чин лейтенанта. Работа же у него осталась прежней: он арестовывал, истязал и убивал патриотов, в глубоком тылу боровшихся против оккупантов.

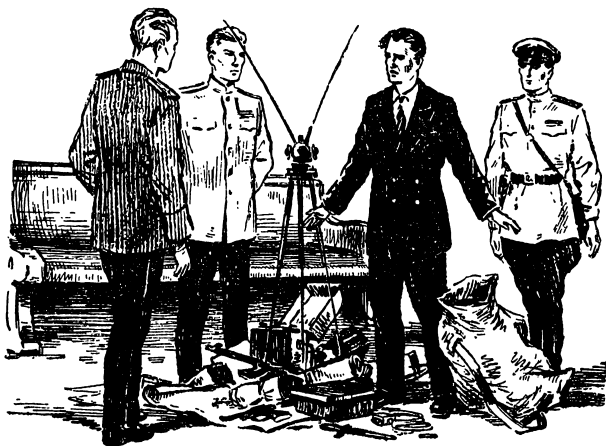
Когда советские войска вступили в Латвию, взвод, которым командовал Бромберг, уходил на фронт.

В фашистских частях царила полная неразбериха. В первый же день артиллеристы открыли огонь по своим, и осколком снаряда лейтенант был ранен.

В госпитале Бромберг начал понимать, что дни фашизма сочтены. Из госпиталя в часть Бромберг не вернулся. Он бежал к морю. 10 мая 1945 года, когда латышский народ праздновал великую победу, Бромберг на украденной у рыбаков моторной лодке «Лиго» бежал на шведский остров Готланд...

Вот что за человек скрывался теперь в американской разведке под кличкой «Анди».

Глава восьмая

ШПИОН ПРИХОДИТ С ПОВИННОЙ

1

В кабинете председателя Комитета госбезопасности Латвии шло совещание по операции «Закатившаяся звезда». Захват шпиона Зариньша, его предположения о готовящейся заброске «Анди» говорили о том, что американская разведка активизирует свою преступную подрывную деятельность, и генерал уделял «Закатившейся звезде» большое внимание. Он собрал ближайших помощников, чтобы поделиться своими соображениями на этот счет и выслушать их мнение.

— Клубок постепенно распутывается, — говорил генерал. — Бдительность простой женщины помогла нам взять в поле своего зрения человека, который выдает себя за ленинградского рабочего Приедитиса, умершего несколько лет назад. Вы помните, Зариньш показал, что шел к человеку, которому должен был передать десять тысяч рублей. Думаю, что Зариньш шел именно к этому лже-Приедитису. Но Зариньш с ним не успел связаться. И американская разведка все же пересылает ему немного денег простым письмом из Москвы. Лже-Приедитис никакой активности не проявляет, сидит, как правило, дома. Случаев выхода его в эфир нет. Конечно, можно задержать этого лже-Приедитиса за подделку документов. И, начав с этого, быстро установить его истинное лицо. Как вы думаете, товариш подполковник?

— Мне кажется, надо подождать, — ответил Алкснис.

— Я тоже так думаю, — продолжал генерал. — После провала Зариньша американская разведка не успокоится. Она пришлет другого связного. Мне казалось бы целесообразным...

Но генералу не удалось закончить свою мысль. На столе зазвонил телефон. Он снял трубку.

Видно, генералу сообщили что-то важное. Он сосредоточенно слушал и лишь изредка бросал в трубку:

— Хорошо, продолжайте...

Окончив разговор, генерал обратился к присутствующим:

— Товарищи, придется прервать наше сове-

щение. Подполковник Алкснис, спуститесь, пожалуйста, в приемную. Пришел какой-то заявитель и утверждает, что он является американским шпионом. Причем принес с собою вещественные доказательства...

Когда подполковник вошел в приемную, он увидел следующую картину. Посредине комнаты на полу лежала радиоаппаратура, миниатюрный фотоаппарат размером со спичечную коробку, карты, оружие, ампулы, в которых был яд.

— Этим меня снабдили американцы, — говорил взволнованный мужчина лет сорока. — Только советских денег я не принес, прожил. Дали они мне сорок пять тысяч.

Подполковник Алкснис попросил заявителя подробнее рассказать о себе.

— Я перешел границу более года назад. Одновременно должны были перейти границу еще два агента, но об их судьбе я ничего не знаю. С тех пор я живу в Латвии, но не выполнил ни одного задания американцев и даже не давал им знать о себе. Почему? Отвечу. В Западной Германии я считал, что моя родина не свободна, а мой народ несчастлив. Я не знал правды — ведь я покинул Латвию в сорок четвертом году. До этого я совершил преступление. Я, конечно, слышал об амнистии, объявленной Советским правительством, но думал, что это уловка, рассчитанная на то, чтобы выманить таких, как я, и сослать в Сибирь. Так говорили нам эмигрантские главари.

Человек попросил разрешения закурить, сделал несколько судорожных затяжек и продолжал:

— Когда я перешел границу, то решил присмотреться, как живут здесь люди, что происходит на родине. А присмотревшись, понял, что меня на Западе обманывали. Я поступил работать и сначала хотел скрыть, что я был американским шпионом «Борисом». Но потом меня начала грызть совесть. Я долго и мучительно раздумывал, наконец, решился — откопал все эти вещи и приехал сюда. Теперь я хочу рассказать все-все...

2

Историю своей жизни «Борис» излагал долго, несколько часов. Наконец-то он мог, не таясь, рассказать всю правду о себе. И на душе становилось легче, спокойнее...

Сначала «Борис» говорил о том, что Алкснис слышал уже от других: как попал в сети, искусно расставленные американской разведкой. Но вот в рассказе «Борис» упомянул имя «Анди». Подполковник насторожился. Значит, Бромберг имеет отношение не только к заброске шпиона Зариньша! Нет, «Анди» играл в американской разведке значительно большую роль, чем это можно было предположить вначале.

— Расскажите, как вы встретились с «Анди», — попросил Алкснис.

...Скорый поезд пришел в Аугсбург без опозданий. На перроне сразу стало шумно: засуетились носильщики, загромыхали самоходные багажные тележки. Выйдя из вагона, «Борис» смешался с толпой и вошел в здание вокзала. Он без труда разыскал ресторан, занял, как было условлено, самый дальний от двери сто-

лик и взял бутылку пива. Вскоре к нему подсел широкоплечий мужчина.

— Простите, пиво не горькое? — спросил он.

Да, именно так должен был сказать человек, которого он ждет.

— Горькое пиво бывает здесь только по субботам, — ответил «Борис».

— Здравствуйте, — сказал незнакомец. — Я «Анди», тот самый, в чье распоряжение вы теперь поступаете. Ну, как доехали?

— Ничего, спасибо, — ответил «Борис», наполняя пивом бокал.

«Анди» замолчал. Он внимательно разглядывал своего нового подопечного. Ему не надо было расспрашивать «Бориса», чтобы узнать, как он жил последнее время. Старый, потрепанный пиджак, из-под которого выглядывала несвежая рубашка, разорванные ботинки лучше слов говорили о нужде, испытываемой этим человеком.

— Жены у вас, конечно, нет? — спросил наконец «Анди».

— Нет.

— Это к лучшему.

— Да, пожалуй, — равнодушно согласился «Борис».

До Мюнхена они ехали в вагоне второго класса. «Борис» сосредоточенно поглядывал в окно, за которым мелькали встречные составы, полустанки, семафоры.

Только раз он обратился к своему спутнику:

— Это очень опасно?

— Что именно?

— То дело, которому я буду обучаться.

«Анди» полез в карман, достал пачку но-

веньких банковых билетов и, отсчитав семьсот марок, протянул «Борису»:

— Вот вам на месяц.

— Ясно, — сказал «Борис» и, понимая, что ответ на его вопрос уже последовал, отвернулся к окну.

В Мюнхене они долго тряслись в трамвае по ломаным переулкам, пока вагон не остановился у рыжего трехэтажного здания. «Анди» и «Борис» вошли в парадное и поднялись по лестнице.

— Вот здесь вы будете жить, — сказал «Анди», открывая дверь одной из квартир третьего этажа. — Выходить вам отсюда незачем. По телефону разговаривать тоже не стоит. Водка в шкафу есть, обед вам будут приносить. Располагайтесь, как дома. Когда вы потребуетесь, я вам позвоню.

С этими словами «Анди» удалился.

И побежали дни... С утра до вечера «Борис» лежал на диване и курил. В комнате было много книг, но читать не хотелось. Было скучно, тоскливо...

Когда томительное ожидание осточертело ему настолько, что он готов был бежать куда угодно, раздался телефонный звонок. «Борис» узнал голос «Анди»:

— С сегодняшнего дня не пейте. Завтра нужно пройти медицинскую комиссию...

«Анди» привез его на машине к проходной военного госпиталя, который охранялся американскими солдатами. Пропуск на них был уже заказан. Американские врачи несколько часов придирчиво осматривали «Бориса», прослушивали сердце, легкие, проверяли зрение и слух,

определяли силу мышц и, в конце концов, признали его годным.

Но американцы придавали не менее важное значение другому обследованию — испытанию на так называемой «машине лжи». Через несколько дней «Анди» и «Борис» поехали на такси в район оперного театра. Машина долго петляла по закоулкам и, наконец, въехала во двор одноэтажного особняка, полускрытого густой стеной деревьев.

— «Анди» и «Борис» прошли в небольшую комнату. Здесь их ожидали трое американцев и человек, говорящий по-латышски, национальность которого «Борис» определить не смог. Американцы стояли вокруг блестящего ящика. На его верхней крышке были установлены вращающиеся барабаны. От аппарата отходили провода различного сечения. Это и была «машина лжи».

— Машина угадывает мысли, — объяснил через переводчика один из американцев. — Мы вам будем задавать вопросы, а вы отвечайте коротко: «да» или «нет». Аппарат покажет, на какие вопросы вы даете неправильные ответы.

«Борису» предложили снять пиджак и сесть на стул. На грудь ему наложили гофрированный шланг, концы которого подсоединялись к аппарату. Правую руку стянули надувной резиновой повязкой, а между большим и указательным пальцами вставили металлический зажим.

Во время работы аппарат мерно гудел, как включенный вентилятор. «Борису» задавали самые нелепые вопросы: «Хорошо ли вы сегодня покушали?»; «Не находите ли вы, что го-

лубой цвет лучше всех остальных?»; «Купите ли вы какую-нибудь книгу, когда выйдете отсюда?»; «Не работаете ли на англичан?»

Затем руке дали немного отдохнуть и снова стали задавать вопросы. С перерывами проверка продолжалась часа два.

«Борис» не был дураком. Он понимал, что никакая машина не может угадывать человеческие мысли. Но все-таки те несколько дней, пока он ждал результата, провел в беспокойстве. Наконец сообщили, что он прошел проверку.

А вскоре «Анди» повез его в Кемптен. На вокзале их встретил американский офицер по кличке «Эрик». Он проводил их на улицу Ам-хохенвег, где помещалось «Бюро научно-технических переводов»:

3

— Да, наша шпионская школа официально именовалась «Бюро научно-технических переводов». Сначала она помещалась в курортном городке Кемптен, а потом в целях конспирации была переведена в город Штернберг, — продолжал свой рассказ «Борис». — В школе я обучался еще с двумя латышами-эмигрантами, скомпрометировавшими себя, как и я, связями с фашистами в годы оккупации. Мои товарищи носили клички «Имант» и «Герберт». Их настоящих фамилий я не знаю до сих пор. Нам было запрещено рассказывать друг другу о своей прежней жизни.

Режим нашей школы был жестким. Занятия начинались с утра и кончались лишь поздним

вечером. Нам строжайше запрещалось покидать помещение и выходить на улицу. Однако, не полагаясь на запрещение, комендант школы «Эрик», тот самый, что встречал нас на вокзале, после отбоя закрывал наши двери на ключ и передавал его дежурному офицеру.

Нас обучали американские офицеры «Боб», «Майкл», «Джон», «Алексис» и другие. Все они подчинялись старшему преподавателю «Анди». «Анди» составлял для нас расписание, инспектировал занятия, давал задания инструкторам, сам вел несколько предметов. «Анди» был латышом; очевидно раньше, он, как и я, жил в Латвии. Американцы очень дорожили «Анди», он был прекрасным инструктором шпионажа. «Анди» находил, что программы американских шпионских школ и инструкции, разработанные разведцентром, не учитывают специфики работы в СССР. «Анди» смело отходил от шаблона, предлагал методы, выработанные им самим.

Практические занятия мы проходили на аэродромах и в расположении американских военных частей под руководством своих инструкторов и армейских офицеров. Мы научились работать на ключе, как первоклассные радисты, ориентироваться по карте, фотографировать, подделывать печати и документы.

«Анди» считал нас уже вполне подготовленными для шпионской работы в Советском Союзе и стал разрабатывать нам оперативные задания и «легенды».

Именно в это время в школу прилетел из Вашингтона представитель разведцентра полковник Кулл.

Между Куллом и «Анди» с первого же дня началась глухая борьба. «Анди» считал себя, очевидно, несколько обиженным, что заброской нашей группы на территорию Советской Латвии будет руководить не он, а Кулл. Но с полковником было не легко бороться. Кулл имел крупные связи в Вашингтоне, и потом он был опытным разведчиком. Долгие годы Кулл изучал Латвию, ее города, промышленность, транспорт, сельское хозяйство, быт жителей. По знанию Латвии в американском разведцентре с ним мог соперничать только «Анди». Кулл знал это. Он поэтому не любил и даже несколько побаивался его.

По приезде полковник отменил все задания, разработанные для нас «Анди». Он усадил «Анди» и нас, курсантов, в свой «шевроле» и повез в увеселительное путешествие по городам Западной Германии. Мы посещали ночные рестораны и притоны, пьянствовали. Очевидно, Кулл стремился завоевать наши симпатии и заручиться нашей поддержкой в его интригах против «Анди».

Всюду Кулл расплачивался сам. Впрочем, деньги, которые он тратил, принадлежали американской разведке. Значительную часть отпущенных ему денег Кулл, в конце концов, сэкономил и положил себе в карман. Из подобных «сбережений» Кулл сколачивал капитал, на который намеревался построить дом и заняться каким-то делом.

Вскоре после нашего возвращения «Анди» под благовидным предлогом был удален из разведшколы, и больше мы его не видели. В оставшееся время школой руководил Кулл. Он

выработал для нас задания и сам провожал нас до границы.

На дворе стоял сентябрь. Я отказывался переходить границу, считал, что осень — крайне неудобное время для начала работы, и предлагал подождать до весны.

Но Кулл, видно и так затянувший подготовку, принялся нас уговаривать:

— Если вы откажетесь идти, это отразится на моей карьере. А что вы без меня? Я ручаюсь, что вы успешно вернетесь назад. Для этого вам нужно будет лишь перейти норвежскую или финскую границу или добраться морем до Швеции. На границе вас встретят мои люди. Вы явитесь в любое американское посольство, скажете: «Я человек от Пауля Декстера» — и вам будет гарантирована безопасность».

Я перешел границу и уже на территории Латвии должен был соединиться с «Имантом» и «Гербертом». Но к месту условленной встречи я не пошел, а направился прямо на свой родной хутор...

Глава девятая

ЧЕЛОВЕК В НОВОМ КОСТЮМЕ

1

Вторую неделю Лидумс лежал в хирургическом отделении госпиталя. Пуля, выпущенная Зариньшем, прошла сквозь голень левой ноги, слегка задев кость.

...Все произошло так быстро! Он кинулся наперерез бегущему шпиону. Но Зариньш успел выстрелить. В первые мгновения, когда неизвестная сила опрокинула его на землю, Лидумс вовсе не ощутил никакой боли. Лейтенант еще не успел сообразить, что произошло с ним, когда Зариньш был схвачен и посажен в машину.

Подполковник Алкснис ремнем стянул Лидумсу раненую ногу чуть выше колена, чтобы остановить кровотечение. Он проводил лейтенанта в госпиталь и не ушел домой до тех пор, пока врачи не осмотрели рану и не признали ее неопасной.

Все эти дни подполковник навещал Лидумса. У его постели он неизменно заставлял пожилую женщину в длинном старомодном платье. Чтобы не волновать мать, Лидумс сказал ей, что упал с турника в гимнастическом зале. В эту маленькую тайну были посвящены врачи и, конечно, подполковник.

Алкснис горячо, по-отцовски полюбил своего юного подчиненного. В душе старого чекиста сейчас боролись два чувства. С одной стороны, он никак не мог простить себе, что взял молодого лейтенанта на такую опасную операцию. Хорошо, что у Зариныша дрогнула рука, и он попал не туда, куда целился. А если бы случилось непоправимое, что сказал бы он, начальник и воспитатель Лидумса, этой седенькой женщине в длинном старомодном платье? Но, с другой стороны, где, как не в опасной операции закаляется, мужает человек, становится настоящим чекистом!

Сам Лидумс, конечно же, был горд, что ему удалось побывать в настоящей переделке. Лейтенанту не терпелось поскорее вернуться на работу, где, как ему казалось, — и не без оснований — начинаются самые интересные дела. Сейчас, когда ноющая боль в ноге улеглась, госпитальная обстановка стала особенно тяготить Лидумса. И он все чаще загозаривал с Алкснисом о выписке, расспрашивал о резуль-

татах следствия по делу Зариньша. Но подполковник всегда переводил разговор на другую тему. Только однажды Алкснис заметил:

— Не волнуйтесь, Лидумс. Работа от вас не убежит. Вы получите очень интересное и очень ответственное задание. Но о нем позже. А сейчас — поправляйтесь...

И вот, наконец, наступил день, когда Лидумс, все еще слегка припадая на левую ногу, вошел в кабинет подполковника Алксниса.

— Поздравляю вас с возвращением в строй, — сказал Алкснис, обнимая молодого человека. — Вот теперь можно поговорить и о делах. Присаживайтесь.

Он вынул из ящика письменного стола несколько фотографий и протянул их лейтенанту:

— Ну-ка, полюбуйте!

На фотографиях был изображен один и тот же мужчина лет сорока, удивительно похожий на бригадира Эверта.

— Это не Эверт! — воскликнул лейтенант, приподнимаясь со стула. — Но какое поразительное сходство!

— Да, почти двойники, — согласился подполковник. — Видите — вот и прояснилось, наконец, кто сопровождал Риекстиньша два года назад в том пограничном лесу.

— Но кто этот человек? — с нетерпением спросил Лидумс.

— Пока двойник Эверта только попал в поле нашего зрения. Многие еще предстоит выяснить. Но сейчас мне хочется поговорить о другом. Вы, Лидумс, все время придерживались мнения, что Эверт имеет самое непосред-

ственное отношение к «Закатившейся звезде». Конечно, внешнее сходство между Эвертом и вот этим господином, — подполковник показал на фотографию, — удивительное. И курили они в тот день сигареты одного и того же сорта, и сейчас, когда мы разыскивали Ванатса — Зариньша, Эверт оказался в Риге. Но, помимо внешнего, случайного совпадения фактов, должна быть и внутренняя связь между ними. А такой связи в данном случае не было. Конечно, проверка и перепроверка в нашем деле никогда не мешает. Но чекист обязан быть более глубоким, более вдумчивым в своих выводах...

Лицо Лидумса покрылось красными пятнами. Подполковник заметил это.

— Расстраиваться вам нечего, Лидумс. Никакой оплошности вы не допустили. Вся эта история должна лишь помочь вам в будущем. А теперь, — Алкснис потянулся за пухлой папкой, — перейдем к новому заданию. Это особое поручение. Но думаю, что вы с ним успешно справитесь, Лидумс.

2

В ателье верхнего платья пришел элегантно одетый молодой человек.

— Я бы хотел сшить костюм, — обратился он к приемщице.

— На сегодня все заказы уже приняты.

Молодой человек огорчился:

— Как же быть? Завтра я уезжаю в командировку. Нельзя ли все-таки принять заказ сегодня? Разрешите я пройду к заведующему.

Но клиенту не повезло: заведующего на месте не оказалось. В конторе была лишь машинистка, полная розовощекая женщина. Молодой человек в нерешительности переступил с ноги на ногу и обратился к машинистке:

— Я к вам.

— Ко мне? — удивилась женщина и, прекратив выбивать пулеметные очереди на клавишах «Ундервуда», взглянула на незнакомого посетителя.

— Да, к вам, — повторил молодой человек. — Ищу у вас сочувствия. Мне надо сегодня во что бы то ни стало заказать костюм. Заговорите за меня словечко. Ведь, я вижу, у вас добрая душа.

Машинистка растеряннo улыбулась:

— Не знаю, сумею ли я... Впрочем, давайте попытаемся. — И вместе с молодым человеком прошла в зал. — Катя, — обратилась она к приемщице, — что мы будем делать с этим настойчивым клиентом? Он так просит...

— А не попадет ли нам от заведующего? Ведь ты же, Мильда, знаешь наши порядки.

— Я думаю, что он и самого заведующего уговорил бы, — шутливо сказала Мильда.

— Ну, спасибо, девушки! — горячо поблагодарил молодой человек и положил на стол перед приемщицей голубой отрез.

— О, у вас чистая английская шерсть! Почему брали метр?

Молодой человек слегка смутился:

— Видите ли, я не знаю. Отрез куплен за границей...

Девушка сжала в руках конец материала:

— Такая шерсть стоит у нас примерно

триста пятьдесят рублей. Так и запишем, если не возражаете.

Молодой человек не возражал...

Через двадцать четыре дня костюм был готов. Сшили его прекрасно, с учетом всех пожеланий заказчика. Словно предчувствуя, что иначе и не могло быть, молодой человек явился в ателье с большим букетом цветов. Он облачился в новый костюм, прошел в контору и протянул букет Мильде:

— Это вам.

Мильда с трудом узнала в этом молодом человеке настойчивого заказчика. Она уже накинула чехол на пишущую машинку и собиралась уходить. Было без пяти шесть.

— Ну что вы, право... — смутилась Мильда.

— Я вам очень обязан, — горячо произнес молодой человек. — Если бы не ваше содействие... Нет, нет, не отказывайтесь от цветов. Вы их заслужили.

На улицу они вышли вместе. Молодой человек был очень словоохотлив. Через пять минут Мильда уже знала, что его зовут Фредисом, что в Риге у него квартира из трех комнат, а сам он работает заготовителем и часто бывает в командировках — в Москве и Ленинграде.

Они прошли пешком всю улицу Ленина, свернули на бульвар Райниса, перешли канал. У сквера, подле скульптурного фонтана, Мильда остановилась:

— Благодарю вас, Фредис. Тут я сажусь на четвертый трамвай.

— Так я вас провожу до дома!

— Нет-нет, не нужно, — протестовала Мильда.

Фредис скорчил нарочито огорченную физиономию, всплеснул руками:

— Ну вот! А я думал, что в новом костюме буду просто неотразимым.

Мильда улыбнулась: молодой человек был в самом деле очень симпатичным. Новый костюм ладно облегал его стройную спортивную фигуру. У него было приятное лицо, мягкие белокурые волосы красиво обрамляли высокий чистый лоб.

— По-моему, вам огорчаться нечего. Девушки будут любить вас! — засмеялась Мильда. — Ну, вот и мой трамвай.

Она протянула руку. Фредис вздохнул:

— Что ж, придется вас отпустить. Только завтра я вас хочу видеть опять.

— Так скоро? — игриво бросила Мильда. — Шейте тогда у нас костюмы почаще.

Четвертый трамвай, подходя к остановке, замедлил бег. Мильда заторопилась.

— Завтра в половине седьмого я вас жду на этом же месте! — крикнул ей в догонку Фредис.

Мильда обернулась:

— Завтра не смогу. В субботу.

— Во сколько?

Уже с подножки вагона Мильда показала ему пять пальцев...

В субботу они снова встретились у фонтана. У Фредиса были билеты в кинотеатр «Айна». Сеанс окончился еще засветло. Молодые люди долго бродили по городу и закат встретили на берегу Даугавы...

С этого вечера они стали встречаться часто — вместе ходили в театр, в парк, на ста-

дион. Фредис был чрезвычайно внимательным и предупредительным. У него водились деньги. Он щедро тратил их на Мильду.

Женщина часто ловила себя на мысли, что с нетерпением и даже некоторым волнением ожидает встреч с Фредисом. «Неужели я влюбилась? — тревожилась она. — Ведь Фредис так молод!» Конечно, брат не одобрит ее выбора. За последнее время он стал таким раздражительным, злым. Но ведь она не девочка. Да потом и брат тоже не считается с ее мнением. Сколько раз она просила, чтобы он перестал бывать у этой портнихи! Почему же она должна теперь полагаться на его вкус?

...Двадцать седьмого августа — день рождения Мильды. Как-то она сказала об этой дате Фредису. И он, оказывается, не забыл, даже намекнул, что приготовил подарок.

Накануне Мильда долго искала случая, чтобы поговорить с братом. Уже перед сном она робко сообщила ему, что встречается с одним человеком. Вопреки ее предчувствию, Приедитис воспринял это известие спокойно:

— Что ж, тебе рано записываться в монахини, ты еще молода. И кто же он?

— Завтра увидишь. Я его пригласила к нам.

Приедитис вздрогнул:

— Как? Ведь мы условились, что у нас не будет гостей.

— Ты знаешь, — виновато произнесла Мильда, — мне было так неловко... Он мне подарок купил и был уверен, что я приглашу его.

Приедитис подумал и сказал:

— Я завтра, пожалуй, пойду погуляю. Чего же я буду вам мешать...

— Только, ради бога, не делай этого! — испугалась Мильда. — Умоляю, побудь дома. А то он что-нибудь дурное подумает. Ну можешь ты что-нибудь сделать для своей сестры?

3

Дни бежали, похожие один на другой, как капли дождя, что беспрестанно моросил с утра до вечера. Наступила еще одна осень. Опустели парки, ветер пригнал с моря свинцовые тучи; они заволокли небо, нависли над городом. Прохожие облачились в плащи, калоши. На улицах стало пустынно, хмуро.

Хмуро было и на душе у Приедитиса. Он теперь совсем забросил свою кисть и сидел за холст лишь тогда, когда к Мильде должен был придти Фредис. Все остальное время он лежал на кушетке и курил...

Явка, назначенная разведцентром у Ботанического сада, не состоялась. Почему, Приедитис не знал. Потом он долго следил за газетами, ища объявления о пропаже золотого кольца с драгоценным камнем. Но объявление не появлялось, и Приедитис, наконец, понял, что встречи не будет.

Теперь Приедитис думал только об одном — как бы бежать из этого чужого города. Чужого, несмотря на то, что в нем он родился и вырос. Бежать куда угодно — в Гамбург, Гетеборг, Копенгаген или даже на Фаррерские острова. Туда, где можно будет ходить по улицам, не оглядываясь, и ложиться спать, не опасаясь, что следующее утро ты встретишь в тюрьме.

Нет, нет, бежать, только бежать! Приедитис уже не просил у американцев денег. Он знал, что денег они больше не пришлют. Нет, ценой такого страха, который пережил, когда получил из Москвы те четыреста двадцать рублей, он не согласен получать и тысячи. Да и не нужны ему никакие деньги. Зачем они? Чтобы кутить в ресторанах, шить дорогие костюмы, тратиться на женщин? В другое время он бы, конечно, не отказался от всего этого. Но сейчас... Приедитис знал, что не найдет успокоения ни на веселых вечеринках, ни на черноморских курортах, нигде...

Сейчас ему нужны только надежные документы, с которыми он мог бы безбоязненно выехать за границу или в крайнем случае оказаться в пограничной полосе. А там... Приедитис хорошо помнил, что говорил при прощании Кулл: надо явиться в американское посольство любой соседней страны и передать послу привет от Пауля Декстера...

Письма Приедитиса в разведцентр начинались одной и той же фразой: «Пришлите документы, не дайте мне пропасть в этой стране». А Кулл и «Анди» настаивали на выполнении акции «Ейч».

Наконец его настоятельные просьбы тронули черствые сердца этих людей. Разведцентр дал согласие на его возвращение в Западную Германию, но только при одном условии — если он подготовит себе замену.

Это тоже было нелегким делом, но Приедитис ухватился за предложение разведцентра, как утопающий хватается за соломинку. Эта соломинка могла превратиться в лодку, катер

или самолет — она не даст ему утонуть, вынесет в другой мир...

Теперь Приедитис все больше и больше приглядывался к Фредису. Приедитис припоминал все его слова, все поступки с того самого вечера, когда он впервые увидел поклонника сестры.

Тогда Фредис явился в новом щегольском костюме, сшитом из настоящей английской шерсти, и принес в подарок Мильде хрустальную вазу, которая стоила по крайней мере пятьсот рублей. Мильда не хотела принимать такой дорогой подарок. Фредис расхвастался и сказал, что это для него сущие пустяки. Он пил много, но было видно, что в этом деле практика у него небольшая. Когда бутылка портвейна, которую купила Мильда, была опорожнена, они пошли в магазин и взяли пол-литра водки. По дороге Приедитис поинтересовался, где он раздобыл такой великолепный костюм. Фредис по секрету сообщил, что материал ему привез дядя, который репатриировался из Дании.

— А ведь он работал там простым штукатуром. — И многозначительно добавил: — Штукатуры в Дании не так уж плохо живут.

В воскресенье они ездили втроем на взморье. Фредис опять сорил деньгами. За все он брался платить сам. Уже дома Мильда сказала брату, что не понимает, откуда у Фредиса бывают такие большие деньги.

— Он же заготовитель, — спокойно пояснил Приедитис. — Очевидно, заготавливает что-нибудь и для себя. В наше время каждый устраивается, как умеет.

Фредис часто навещался к ним домой, он по-прежнему был, как видно, неравнодушен к Мильде. Но сестре он нравился все меньше и меньше...

Потом Фредис исчез на целый месяц. Появился он как-то вечером в старом, потрепанном костюме.

— Английский пришлось продать, — с грустью сообщил Фредис. — Меня уволили с работы.

— Я так и знала, что этим должно было кончиться, — вздохнула Мильда.

Фредис, однако, не пал духом. Он затевал обмен квартирами, намереваясь выгодно реализовать излишки своей жилплощади. Но дело где-то застопорилось, и Фредис ходил без денег, ругая волокитчиков и бюрократов. Приедитису приходилось выкраивать из своего бюджета несколько рублей, чтобы покормить Фредиса в столовой.

— Ничего, старина, мы сочтемся, — говорил Фредис. — Мне бы только получить разрешение на обмен. И считай, что тысяч двенадцать у меня в кармане.

Фредис бодрился, но было видно, что без денег он чувствует себя прескверно — жить скромно он не привык. Мильда совсем охладела к Фредису, и теперь он появлялся у них дома не столько ради сестры, сколько из-за брата. У Приедитиса не было не только друзей, но и знакомых. Его тянуло к Фредису. В его присутствии он чувствовал себя спокойнее, забывал про свои тягостные думы...

Бывший заготовитель стал пить. С «получки» Приедитис покупал пол-литра водки, и

они сидели за рюмкой весь вечер. Иногда Фредис оставался ночевать. Тогда Мильда уходила к соседке, а утром принималась стыдить брата.

Приедитис пожимал плечами:

— Это же не мой знакомый, а твой.

Когда Приедитис получил задание из разведцентра подготовить себе замену, то он сразу подумал о Фредисе. Эта кандидатура показалась ему подходящей; к тому же другого выбора попросту не было.

Приедитис понемногу стал прощупывать бывшего заготовителя. Делал это он неторопливо, осторожно.

Однажды Приедитис признался, что долго прожил в Западной Германии, Фредис попросил рассказать, как живут люди на Западе, и верно ли говорит его дядя, что там не так уже плохо.

Фредис внимательно слушал своего приятеля, а тот недомолвками, отдельными намеками давал ему понять, что и жизнь и порядки в западных странах лучше. Потом как-то Приедитис откровенно пожалел, что вернулся на родину.

— Там бы мы не сидели без денег, как здесь, — заметил он.

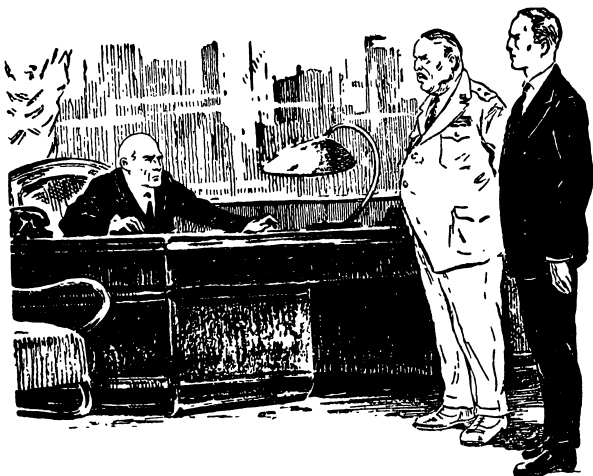
Фредис сказал, что ему судить трудно, так как за границей он не бывал. Но очень хотел бы попасть туда хотя бы в качестве туриста.

— Вот обменяю квартиру — и поеду. Деньги будут.

— На Западе нужны доллары, — уточнил Приедитис. — Но их тоже можно заработать, если вести себя по-умному.

Дальше этого Приедитис пока не пошел. Однако в очередном послании в разведцентр сообщил, что агент подобран. Врал ли он? Лишь отчасти. Приедитис был уверен, что этот юнец медленно, но верно идет в расставленные для него сети.

Глава десятая

«АНДИ» ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

1

Генерал теперь вплотную занялся операцией «Закатившаяся звезда». Сведения, которые сообщил пришедший с повинной «Борис», не оставляли сомнения в том, что лже-Приедитис является не кем иным, как американским шпионом «Гербертом».

За «Гербертом» было установлено тщательное наблюдение. Стало известно, что он встре-

чается с бывшим заготовителем, неким Фредисом, снятым с работы за жульнические махинации. Ожидалось, что «Герберт» в ближайшее время будет склонять его к сотрудничеству в американской разведке.

Дело облегчалось тем, что Рига по параллельным каналам принимала указания американского шпионского центра, адресованные «Герберту». Однако регулярное прослушивание радиопередач из Вашингтона проливало мало света на истинные намерения и планы американской разведки. Шпионский центр относился к «Герберту» настороженно и ругал его за бездеятельность. Но для каких заданий будет завербован Фредис, кто должен придти в нашу страну вслед за Заринышем, что собирается предпринять «Герберт» — все это надо предугадать, чтобы пресечь замыслы врага. Надо было принять все меры, чтобы секретные сведения не стали известны шпионам, не просочились через границу.

Да, это напоминало шахматную игру, в которой нужно на много ходов вперед разгадать намерения противника, расстроить его планы и вместе с тем скрыть от него свои расчеты, сбить с толку и внезапным маневром заставить сложить оружие. Над этим работали генерал, подполковник Алкснис и ряд других офицеров Комитета.

...А по ту сторону океана над другим краем невидимой шахматной доски склонили головы офицеры американской разведки. Они тоже тщательно анализировали свои ходы, стремились проникнуть в тайны противника. Это был умный, опытный, вероломный враг.

В тот самый день, когда на улице Ленина в Риге генерал намечал очередные мероприятия «Закатившейся звезды», в Вашингтоне один из видных руководителей американской разведки слушал доклад о реализации акции «Ейч».

Это был лысый сгорбленный старик, за плечами которого стоял тридцатилетний опыт шпионской работы. Шеф пригласил к себе только Кулла и «Анди». Он и не скрывал того, что был недоволен. Не первый раз шеф слушал Кулла и «Анди» — сообщения о том, как выполняется акция «Ейч». Но дело практически не продвигалось.

— На «Лениса» нет никаких надежд — он наверняка схвачен. Вне всякого сомнения! — Шеф зло выругался.

Кулл и «Анди» молчали. Десятки тысяч долларов тратила американская разведка на подготовку и снаряжение каждого шпиона, и все эти деньги вылетали в трубу, не дав пользы и на цент. Из всех засланных в Латвию шпионов уцелел лишь «Герберт», но проку от него было очень мало.

Шеф еще раз принялся читать сообщение «Герберта».

— Полубуйтесь, каков герой! Его интересуют только деньги, словно он пишет своему папаше. Видите ли, ему надоела Рига. Он думает, что по возвращении его будут кормить сендвичами. А где же работа? Этот «Герберт» еще может побежать в КГБ и расплакаться. Что вы думаете по этому поводу, полковник?

— Думаю, что пока не побежит, — ответил Кулл. — Мы пообещали отозвать его назад,

если он подготовит другого агента. Он этому верит и старается изо всех сил, а в последнем сообщении «Герберт» утверждает, что агент у него подобран.

— Что это за человек? — спросил шеф.

— Торговый служащий Фредис, — ответил Кулл. — У него что-то случилось на работе. Недавно его уволили.

Кандидатура Фредиса показалась шефу неудачной. Жулики, уголовники, пропойцы на виду у милиции, и потом от них все равно мало толку. Нужны люди видные, авторитетные, имеющие широкий круг знакомств. Но их не так-то легко заполучить, и с этим надо было считаться.

— Что еще известно об этом Фредисе? — поинтересовался шеф.

— Из сообщений «Герберта» известно, что дядя Фредиса недавно возвратился из Дании. Мы наводили справки. Действительно такой человек в Дании проживал и выехал на родину в пятьдесят пятом году.

Шеф покривился:

— Ну, теперь этот дядя расскажет своему племяннику черт знает что.

— Нет, этот дядя как будто бы жалеет, что приехал в Ригу, — сказал «Анди». — И потом Фредис влюблен по уши в сестру «Герберта». Так что «Герберт» держит его прочно.

Шеф открыл ящик с сигарами, угостил Кулла и «Анди».

— Все это не то! — раздраженно произнес старик. — Я собственно, пригласил вас сюда вот зачем. Руководство считает, что после стольких неудач нужно послать в Латвию че-

ловека, который был бы максимально гарантирован от провала. Акция «Ейч» ждет своей реализации. Я не думаю, чтобы этот «Герберт» оказался способным на что-нибудь дельное. С ним попутно надо будет тоже разобраться. Он все-таки знает немало — в этом его несчастье. Мы намерены, — продолжал шеф, — послать в Латвию опытного работника, пусть даже самого необходимого нам здесь человека.

Кулл и «Анди» внимательно смотрели на шефа, который прохаживался по мягкому ковру. Старик подошел к «Анди», положил руку на его плечо.

— Учитывая ваш опыт и подготовку, — медленно проговорил он, — мы решили доверить это дело вам, господин Бромберг.

Ни один мускул на лице «Анди» не выдал того, что он пережил в этот момент. Он, конечно, знал, что рано или поздно ему придется идти в Латвию, но не думал, что это случится так скоро. «Анди» взглянул на Кулла и заметил, что полковник прячет в усах довольную улыбку. Конечно, тут не обошлось без козней полковника. Он все время стоял на дороге у Кулла, так же как Кулл на его дороге, и кому-то нужно было отойти в сторону.

Шеф все еще не снимал руки с плеча «Анди».

— Вы знаете, господин Бромберг, как вами дорожит разведцентр, как вы необходимы здесь. Но вы вернетесь и еще поработаете. Дел у нас много. Но сейчас, поймите, нет другого выхода. Предстоит работа особого рода. У вас, господин Бромберг, много связей среди латышских националистов. Вам поручается

создать на территории Латвии нелегальную резидентуру. Вы должны будете проверить и доложить нам о причинах провала ранее заброшенных в СССР агентов. Мы снабдим вас новейшей аппаратурой, — продолжал уговаривать «Анди» шеф. — Мы дадим вам столько денег, сколько потребуется. Мы примем все меры к тому, чтобы даже самая возможность вашего провала была полностью исключена. Что вы скажете, господин Бромберг?

— Я готов в путь, — коротко ответил «Анди».

— Нет, не так сразу, — улыбнулся шеф. — Погуляйте, отдохните.

2

«Анди» безмятежно развлекался. О предстоящей работе он старался не думать. Нужно было набраться сил, как следует отдохнуть. Поначалу он хотел провести отпуск в Нью-Йорке. Но каменные громады домов, теснящие не только землю, но, казалось, и небо, подавляли, угнетающе действовали на психику. Однообразные, донельзя похожие друг на друга улицы навевали тоску. С самого утра они отдавали себя во власть ревущих, стонущих, мечущихся автомашин. С высоты шестнадцатого этажа машины напоминали саранчу, густо осевшую на поле...

«Анди» поехал в Бостон, оттуда — в Чикаго и там понял, что в больших, шумных городах ему не отдохнуть. Потянуло куда-нибудь в лесную глухомань или на берег океана. Что ж, когда есть доллары, в Америке все доступно.

Он осмотрел ниагарский водопад, остановился ненадолго в Атлантик-сити. Отсюда экспресс унес его в Нордфок. Здесь он и провёл остаток своего отпуска.

Но пора было приниматься за дела. «Анди» поселился в Вашингтоне, в доме № 1914 по улице «И», у певицы мисс Мими. Он был вдвое старше хозяйки. Но «Анди» хорошо сохранился и выглядел моложе своих лет. Его работа, поминутно требующая напряжения, полной физической и умственной нагрузки, еще не наложила на его лице печати утомления и старости. И потом у него водились доллары. Всего этого оказалось достаточно, чтобы добиться любви мисс Мими.

Вечерами, когда певица уходила на концерт, «Анди» садился за работу. Слова выливались на бумагу с необычайной легкостью. То, о чем он писал, было плодом многолетних раздумий, наблюдений, опыта. «Анди» писал труд о шпионаже. Он так и назывался: «Организация шпионской службы на территории противника». В нем «Анди» вспоминал весь свой путь в американской разведке. Путь от мелкого, заурядного осведомителя, доносившего на своих товарищей в лагерях для перемещенных лиц, — до кресла официального работника разведцентра...

Кулл прочитал работу залпом, оживился и похвалил «Анди»:

— Поздравляю! Это по-настоящему здорово.

Полковник восторгался вовсе не потому, что его радовал успех подчиненного. Он поставил свою подпись рядом с подписью Бромберга.

Это должно было поддержать его пошатнувшийся после стольких нечлач авторитет в глазах высшего начальства.

А «Анди» уже думал о другом. Как-то ночью, вернувшись с концерта, мисс Мими обнаружила, что ее квартирант отсутствует. Напрасно она ожидала его на следующий день. Из дома № 1914 по улице «И» «Анди» исчез бесследно и навсегда.

...В то время как мисс Мими, возмущенная мужским вероломством, горевала, «Анди» начал готовиться к большой и сложной акции. Теперь он жил в вашингтонской гостинице «Анаполис». «Анди» изучал топографические карты, совместно со специалистами подбирал рецепты средств тайнописи, изучал экономику Советской Латвии.

Целый год готовился Бромберг к заброске в СССР. Казалось, он и так уже давно знал все, что нужно для этой акции. Ведь за год сам «Анди» из зеленого новичка делал шпиона. Но ни разведцентр, ни «Анди» не хотели торопиться. Нужно было учесть все, казалось бы самые несущественные мелочи, продумать каждый свой шаг на советской земле. В специальных лабораториях изготавливалась для него аппаратура, фабриковались надежные документы.

«Анди» работал настойчиво, кропотливо. Он никогда не был слишком самоуверенным и хорошо понимал, что предела для совершенства не существует. Вечерами он читал советские журналы, газеты, книги, слушал радио Риги и Москвы. Точно взыскательный, не терпящий фальши актер, «Анди» вживался в новую

роль — роль рядового советского человека, со всеми его взглядами, понятиями, нормами поведения, привычками. Кто знает, сколько лет предстояло Бромбергу играть эту роль.

Весной «Анди» уехал из Вашингтона на военный полигон Фродбраг. Отсюда должен был начаться его путь через океан, через Европу — к границам Советской Латвии...

3

Ночь застала Бромберга в густом сосновом бору. Он сбросил с плеч тяжелый вещевой мешок, который уже порядком натер ему спину, и присел отдохнуть на бруствер полуразвалившегося окопа. «Анди» жадно глотнул бодрящий ночной воздух, насыщенный ароматом хвои. Он припал к земле, и шероховатый ползучий вереск больно ужалил его в щеку. Но путнику показалось, что лица его коснулись нежные материнские руки: он почувствовал дыхание родины. И темная безлунная ночь, и неласковый вереск, покрывший лесную болотную землю, и мохнатые ветви сосен, трепетавшие под порывами ветра, — эти приметы родной природы были знакомы ему с детства.

Тринадцать лет он видел латышскую землю только во сне. Крыши чужих городов представляли ему ночлег, он ел чужой хлеб, слышал чужую речь. Все эти годы он думал о родной земле, мечтал о свиданье с нею. И вот долгожданный час настал. К добру ли?

— «Анди» снял неуклюжий, тупоносый ботинок и стал массировать распухшую стопу. Надо же было так некстати оступиться и вывих-

нуть сустав! Но нет, это не вывело его из строя. Долголетние тренировки приучили его легко переносить боль. И если бы пришлось, он мог сейчас вскочить на ноги и бежать пять, десять, пятнадцать километров — столько, сколько нужно, чтобы уйти от погони. Но кругом было тихо. Только скрипнул не выдержавший напора ветра полусгнивший сук, да вскрикнула разбуженная этим звуком птица.

Бромберг аккуратно срезал дерн со дна окопа и стал копать яму, выбрасывая вынутую землю в расстеленную плащ-палатку. В яму он выложил из вещмешка портативный передатчик, запасные лампы, оружие, боеприпасы, деньги. Потом тщательно замаскировал яму дерном, а землю из плащ-палатки высыпал в кусты.

Бромберг полез в карман за спичками, чтобы прикурить погасшую сигарету, и вместо коробки вытащил пластмассовую трубочку, на которой была наклеена крошечная бумажка с надписью: «Пейзон». Много лет он поучал других, что, когда уже нет никакого выхода, надо положить таблетку этого препарата в рот и лишь слегка сжать ее зубами. Смерть наступает мгновенно и совершенно безболезненно.

«Анди» усмехнулся. Это средство может пригодиться кому угодно, только не ему. Он-то всегда найдет выход. Сколько раз он сам показывал своим ученикам в разведшколах, как нужно разводить костры, чтобы не было видно ни дыма, ни отблесков огня, как мастерить ходули и идти на них, чтобы не оставить следов на пашне или на снегу, как обмануть пограничников и сбить с толку слу-

Американская разведка щедро финансировала своего агента Бромберга («Анди»).
Перейдя советскую границу, он закопал в тайниках 450 тысяч советских денег,
а также крупные суммы в шведской, финской и польской валютах

жебных собак. Бромберг размахнулся и кинул яд в болотистую лужицу. Нет, яд ему абсолютно не нужен. Скоро он вернется к этому старому окопу, выкопает передатчик и пошлет в разведцентр всего две буквы: «ОМ». Это будет означать, что он удачно перешел границу и находится в полной безопасности.

Собственно, ничего иного и не могут ждать от него там, за океаном. Иначе не возлагали бы на него таких больших надежд в разведывательном центре. И потом у него были деньги, много денег — четыреста пятьдесят тысяч рублей и еще польская, шведская, финская валюта...

Кончалась короткая летняя ночь. Верхушки сосен порозовели.

Бромберг вскипятил кружку воды, побрился. Старый офицер, он любил во всем дисциплину и порядок. Теперь он почувствовал себя еще бодрее.

«Анди» шагал по пролескам до тех пор, пока не услышал далекий гудок паровоза. То была станция Кемери. В кустах Бромберг зарыл топографическую карту, компас, бинокль. Теперь, когда он точно вышел к станции, все это было не нужно. При нем не осталось ни одной американской вещи. В руках «Анди» нес книгу «Подпольный обком действует», изданную в Риге на латышском языке, из кармана торчал номер газеты «Циня», а во рту дымилась сигарета «Дукат».

Уже совсем рассвело, когда Бромберг добрался до станции. В зале ожидания и под легким стеклянным навесом перрона было много людей. Из здешнего грязевого санатория

уезжала большая группа отдыхающих. Они шутили, смеялись. Кого-то провожали с большим букетом цветов, кому-то жали руки, желали счастливого пути.

Бромберг купил билет до Риги, вышел на перрон, отыскал свободное место на скамейке. Только сейчас он понял, как устал за эти бессонные, тревожные ночи. Он откинул голову на спинку скамейки. Веки его становились все тяжелее и тяжелее...

— Гражданин, вы что, спите?

Бромберг очнулся от полудремы и понял, что вопрос обращен к нему. Он не открывал глаз, стремясь выгадать несколько мгновений. Неужели это все? Неужели сейчас схватят? Он пожалел, что был так самоуверен там, в лесу.

— Гражданин, проснитесь!

Кто-то тронул его за плечо. Бромберг открыл глаза и увидел, что перед ним стоит молоденький железнодорожник.

— Вы так и поезд проспите, — улынулся паренек, показывая на пути, куда была уже подана электричка.

У Бромберга отлегло от сердца.

— Да, да, спасибо! — поблагодарил он молодого человека и побежал к поезду.

Поднимаясь на подножку, он оглянулся, помахал рукой любезному железнодорожнику и прошел в вагон.

Электропоезд шел по Рижскому взморью. Справа блестела, искрясь на солнце, голубая лента реки, слева тянулись деревянные дачи. Они то скрывались по самые остроконечные крыши в зеленых пролесках и садах, то выскакивали опять к дороге.

Бромберг мог бы поклясться, что никто в американской разведке не знает так хорошо Латвию, как он. Даже полковник Кулл, который при случае любит прихвастнуть, что является знатоком Советской Прибалтики. Да, в Вашингтоне Бромбергу казалось, что он прекрасно знает Латвию. Но сейчас... Он оглядел пассажиров вагона, потом перевел взгляд на свои неуклюжие ботинки, дешевые штаны и потрепанный белый плащ. Не надо быть знатоком Латвии, чтобы увидеть, что на фоне окружающих он, Бромберг, выглядит чуть ли не оборванцем. А ведь ему казалось, что средний рижанин должен носить примерно такой костюм, как у него.

«Еще примут за бродягу», — подумал «Анди».

За переплетениями железнодорожных путей и приземистыми складскими строениями показалось двухэтажное красное здание. Это была станция Засулаукс. Бромберг спрыгнул с подножки и пошел по перрону. Здесь уже начиналась Рига. Бромберг обогнул здание вокзала и вышел к трамвайному кругу — конечной остановке маршрута № 2. Он вскочил в маленький синий трамвайчик и остался стоять в открытом тамбуре.

Легкий предутренний туман еще засиделся в зеленых верхушках парковых деревьев. По улицам, разбрызгивая водяные струи, медленно двигались мочные машины; открывались двери продовольственных магазинов; торопливой рабочей походкой по тротуарам шли люди. Город начинал свой трудовой день.

Бромберг сошел в центре. Он бродил по

проспекту Райниса, по улицам Ленина, Суворова, Кр. Барона, заходил в магазины, толкался у газетных витрин, останавливался у корпусов новых домов, приглядывался к прохожим. Другому, может быть, мало что рассказало бы такая короткая прогулка. Но от наметанного взгляда Бромберга не ускользнула ни одна деталь. И все это в десять раз убедительнее, чем шпионские донесения, которые он читал еще там, в разведцентре, рассказало ему, как изменилась жизнь в Риге. Бромберг понял, что работать будет намного сложнее, чем он ожидал.

— Тем хуже для них! — еле слышно прошептал Бромберг.

Слепая злоба вспыхнула в груди и сжала сердце. Ему ненавистны были эти люди. И железнодорожник, что испугал его до смерти на платформе Кемери, и веселые студенты, сидевшие за соседним столиком в кафе «Даугава», и задумчивая пара влюбленных, что стояла на мосту через канал, — все, кто радуется той жизни, которую он ненавидит.

Что же, Бромберг покажет, на что он способен! Пусть сгорает от зависти этот Кулл: теперь-то ему не удастся стать соавтором его трудов.

«Анди» спохватился и подумал, что слишком долго стоит у подъезда новой гостиницы «Рига». В ней ему все равно не жить.

Он снова отправился бродить по городу.

Начали сгущаться сумерки. Пора подумать и о ночлеге. У Бромберга было немало старых знакомых. С одними он работал в полиции, с другими служил в фашистской армии. Он знал

их тайны и мог поймать в такие крепкие сети, откуда им не вырваться. Бромберг сумел бы заставить их делать все, что захочет: он верил в силу своей мертвой хватки. Однако надо было повременить с визитами, навести дополнительные справки о своих знакомых.

В универмаге «Анди» купил приличные полуботинки и пиджак. Потом он зашел в аптеку за бинтами и, дождавшись темноты, сел в трамвай, идущий в Шмерли.

Бикерниекский лес, куда приехал Бромберг, был хорошо ему знаком. В этом лесу, за корпусами туберкулезного санатория, по приказу гитлеровского коменданта он расстреливал коммунистов, пленных красноармейцев и евреев. Да, те времена, когда он мог расчитаться сполна с ненавистными ему людьми, прошли. Но они вернутся. Ради этого он и сидит сегодня здесь, все в том же Бикерниекском лесу...

Бромберг одел новый пиджак, а старый закопал в канаве. Ушибленная нога, натруженная за день, ныла еще больше. Он снова принялся массировать посиневшую стопу, а потом крепко стянул ее бинтом. Боль несколько утихла. Бромберг расстелил плащ-палатку. Задремал.

...Когда он проснулся, солнце стояло уже высоко. Определенного плана на день у него не было. Нужно, пожалуй, еще поболтаться по городу, приглядеться к ритму его жизни, кое-что узнать о старых знакомых.

«Анди» отправился на Красноармейскую улицу. Здесь в двухэтажном деревянном доме жил его старый друг, бывший офицер буржуазной армии, с которым после установления

Советской власти он работал в прачечной на улице Вентспилс. Товарищу пришлось тогда еще тяжелее, чем ему. Бывший офицер стал ночным сторожем. Конечно, старый товарищ мог бы приютить Бромберга.

Бромберг подошел к знакомому подъезду, взглянул на список жильцов. Но фамилия друга в нем не значилась. «Анди» не стал спрашивать соседей — это было опасно: мало ли что с ним могло случиться.

За завтраком в дешевом кафе Бромберг вспомнил о хорошенькой хозяйке магазина, которая пятнадцать лет назад была безумно влюблена в лейтенанта войск СС. Он немного погулял и отправился на десятом трамвае до конечной остановки: Бромберг хорошо помнил тот маленький бакалейный магазин.

Но его опять постигла неудача. Он сошел с трамвая — и не узнал знакомых мест. Здесь когда-то кончался город, теперь же вокруг высились корпуса новых многоэтажных домов. А магазинчик тот, наверно, снесли. Он обошел другие магазины. В них работали десятки продавщиц, но среди них не было той, которую он искал.

И снова «Анди» принялся бродить по улицам.

— Бромберг, ты ли это? — услышал он вдруг радостный возглас за спиной.

Бромберг оглянулся. Его догонял толстый мужчина, в котором он признал своего школьного товарища и сокурсника по университету. Толстяк схватил его за руку и увлек в буфет:

— Пойдем, пойдем, надо выпить за встречу.

Они взяли по бутылке пива. Собеседник наполнил стаканы и начал рассказывать о себе:

— Работаю инженером. Строю новую ТЭЦ. Сейчас бьемся над тем, чтобы удешевить стоимость строительства. Что ты скажешь, если нам удастся сэкономить эдак миллиончика полтора, а? — инженер засмеялся и толкнул Бромберга в бок.

— Здорово, — без всякого воодушевления сказал тот.

— Да, время идет! — продолжал словоохотливый инженер. — Дети уже выросли. Дочка в консерватории учится, по радио дважды выступала. А сын десятилетку окончил, слесарем на ВЭФе работает. Что ж, детьми доволен. Дочь комсомолка, а парень мой вот уже скоро год — кандидат партии.

«И чему он только радуется?» — недоуменно подумал «Анди». Нет, с этим человеком ему абсолютно не о чем говорить. Бромберг подозвал официантку и расплатился.

— Торопишься? — разочарованно спросил инженер. — Ну давай посидим еще с полчаса. Потолкуем.

— Я, действительно, очень тороплюсь, — ответил Бромберг. — Мне сегодня нужно уладить еще кое-какие дела в горсовете.

— Так ты что, на советской работе?

— Да, почти, — усмехнулся «Анди» и попрощался.

Бромберг долго еще думал об этой случайной встрече. Как меняются люди! Ведь этот инженер получил образование еще в старое время. Он ходил в костел, читал фашистские

книги и газеты. Чем же его привлекли на свою сторону коммунисты? А, может быть, он и сам теперь коммунист? Что же произошло на этой земле, откуда он бежал тринадцать лет назад фашистским лейтенантом, а вернулся американским шпионом?

Суть этих изменений Бромберг понять не мог.

Глава одиннадцатая

ПОСЛЕДНЯЯ ЯВКА

I

Приедитис-«Герберт» хорошенько прощупал Фредиса и убедился, что бывший заготовитель согласен на все, если ему щедро заплатить и пообещать легкую жизнь.

— С твоими хозяйственными способностями и твоим размахом нужно жить только на Западе, — сказал как-то «Герберт».

— Там бы я развернулся! — согласился Фредис. — Не то что здесь, где собственную комнату продать невозможно.

Да, «Герберт» подвел его уже к самому

краю пропасти и нужно лишь небольшое усилие, чтобы столкнуть его вниз. Но для этого «Герберту» надо было открыть свои карты, показать свое настоящее лицо. Фредиса можно было взять врасплох, сообщив, что вот уже скоро год, как он водит дружбу с американским шпионом. Конечно, он никуда не денется, не побежит доносить. Слишком далеко зашел этот милый мальчик. Но сделать последний шаг «Герберт» не решался. Откладывал со дня на день, тянул.

А тянуть было уже нельзя. Несколько раз разведцентр запрашивал его, может ли он спрятать одного человека в надежном месте. Кто-то собирается сюда, не иначе. И тот, кто собирается, должен привезти ему документы для бегства за границу в обмен на Фредиса. Значит, к этому времени новый агент должен быть завербован. Пусть Фредис влезет в его шкуру и примет удар, который предназначается ему, «Герберту». А самому бежать...

«Герберт» писал в разведцентр, что убежище есть. Он считал, что можно спрятать шпиона на квартире у Фредиса, которую ему все еще никак не удалось поменять.

Вот и сейчас, когда они зашли в столовую, которая находилась в подвале под зданием Аэрофлота, Фредис жаловался, что потерял всякую надежду получить деньги за квартиру. В столовой было пусто. «Теперь — или никогда», — подумал «Герберт». Он понимал, что будет говорить совсем не то, чему можно верить. Но ничего более убедительного «Герберт» придумать не мог. Отчаяние, которое его охватило, было плохим советчиком.

— Знаешь, Фредис, — сказал «Герберт», — мы можем с тобой уйти на Запад. Только нам нужно кое-что сделать для одного человека, который поможет нам перейти границу. Я кое в чем ему уже услужил. Теперь очередь за тобой.

— Скажи, а мне за это не попадет? — Фредис бросил на «Герберта» такой простодушный взгляд, каким смотрит теленок на мясника, когда тот ведет его на убой.

— Риск, конечно, будет, — сказал Приедитис. — Но есть во имя чего рисковать. За небольшую услугу ты можешь получить пятьдесят тысяч.

В глазах у Фредиса вспыхнул алчный огонек:

— Пятьдесят тысяч!

— Да. Так ты хочешь их заработать? Тогда я познакомлю тебя с этим человеком...

«Герберт» проводил Фредиса до трамвайной остановки. Потом вернулся домой. Он спустился в подвал, осторожно отодвинул старый диван, вынул из тайника приемник, принес в комнату. Вскоре должен был начаться очередной радиосеанс. «Герберт» воткнул вилку в штепсель, надел наушники. Послышалось прерывистое тиканье морзянки. «Герберт» схватил карандаш, стал записывать цифры. Потом достал из-за пояса шифр-блокнот. Сообщение было неожиданным: человек, о котором так долго шла речь, прибыл. Разведцентр назначал ему явку...

Десять ночей «Герберт» не мог сомкнуть глаз. В его жизни наступали большие перемены. Но какие? Что скажет ему человек, при-

шедший оттуда? Неужели Кулл и «Анди» сдержали свое слово и решили вернуть его? Если это так, то он передаст Фредиса, и вскоре будет на Западе.

«Герберт» думал о Мильде. Ей снова на долгие годы придется остаться одной. Огорчится ли она? Наверное, не очень. Сестра боится его, не доверяет. Она, конечно, не знает, что творилось в его душе все это время. Но ее сердце чувствовало беду, — пропасть отчуждения все время лежала между ними. Нет, Мильде без него будет легче, спокойнее.

Иногда «Герберта» охватывало отчаяние. А что если этот человек к нему не придет, как тот, которого он год назад так и не дождался у входа в Ботанический сад?

...Наконец наступил назначенный день. «Герберту» не сиделось дома, и он с самого утра принялся бродить по городу. Он шагал по тенистым паркам, пересекал площади. Мимо него проносились машины, шли люди. Но «Герберт» не замечал ничего — ни людей, ни машин, ни ослепительного солнца, ни мостов над Даугавой, ни шпилей горделивых древних соборов. В этом городе ему ничего не было дорого, ничто его здесь не удерживало...

...Время тащилось сегодня так утомительно долго, так нудно!

Явка была назначена в полдень на Лесном кладбище. «Герберт» пришел сюда четверть двенадцатого. На кладбище благоухали цветы, легкий ветерок едва зашевелил кроны деревьев, выстроившихся вдоль дорожек. Здесь, на этом кладбище, среди молчаливых могил и склепов, должна решиться его участь.

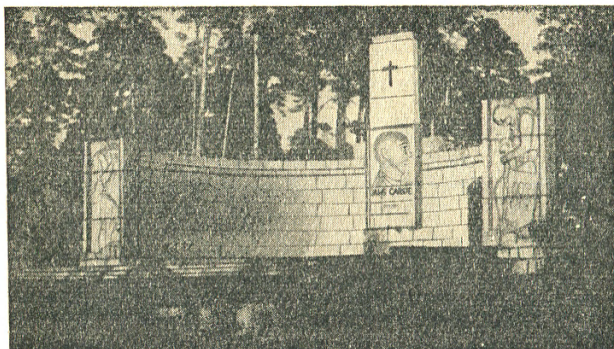
«Герберт» прошел по широкой дорожке в дальний угол кладбища и остановился у памятника президенту Янису Чаксте. Было без четверти двенадцать. Ровно в полдень сюда должен придти человек с нотной папкой. «Герберт» обошел памятник и спрятался в густых кустах. Отсюда он, оставаясь невидимым, мог наблюдать за всем, что делается у памятника. Мало ли что может случиться! Нагрянули же тогда солдаты на высоту с отметкой в девяносто три метра...

Без трех минут двенадцать к памятнику подошла экскурсия. Худенькая девушка с университетским значком на лацкане жакета начала объяснения. «Герберт» отчетливо слышал каждое ее слово. Он напряженно, до боли в глазах, вглядывался в лица людей. И вдруг в толпе он заметил человека с нотной папкой. «Герберт» чуть не вскрикнул от удивления. Это был «Анди», его инструктор и учитель! «Анди» стоял рядом с экскурсоводом и как ни в чем не бывало слушал ее.

Экскурсанты пошли дальше. «Анди» отстал от группы, нагнулся и сделал вид, что у него развязался шнурок ботинка. «Герберт» видел, что «Анди» ждет его, но выйти из укрытия не решался. Он боялся, как бы в толпе экскурсантов не оказались чекисты. «Анди» постоял у памятника еще минут десять и неторопливо пошел прочь...

Они встретились через три дня на лесной дороге в Шмерли. Здесь разведцентр дублировал явку на случай, если свидание на Лесном кладбище не состоится.

— Я был тогда на кладбище,—сказал «Гер-

У этого памятника на Лесном кладбище в Риге американский разведцентр назначал явку своих агентов «Анди» и «Герберта»

берт». — Только не решился подойти, кругом был народ: опасался засады.

«Анди» протянул руку:

— Что ж, ты поступил разумно. Ну рассказывай, как живешь.

«Герберт» принялся изливать своему шефу все, что накопилось на душе. Он говорил и про тревожные ночи, и про страх, преследовавший его повсюду, и про страшную нужду, в которой жил эти годы.

Но «Анди» не стал его слушать.

— Такая у нас работа. Ведь мы ехали не в Ниццу. Поговорим о деле. — «Анди» полез в карман и вытащил черный пакет. — Вот десять тысяч. Возьми их себе. Но это не награда. Пока ты работал плохо. Это аванс в счет будущей работы.

Все надежды «Герберта» рухнули. У него потемнело в глазах, задрожали колени.

— Как, еще оставаться? Ты не привез мне документов?

— Уйдем вместе. Через год-полтора, не раньше. Нельзя же возвращаться с пустыми руками. Даром тебя на Западе кормить никто не будет. Я же тебе сказал: тобой в разведцентре не особенно довольны.

«Герберт» понял, что возражать бесполезно.

— Хорошо, я слушаю твои указания, «Анди».

— Ну вот, это другой разговор, — улыбнулся Бромберг. — Но мы его продолжим в следующий раз. О времени нашей встречи ты прочтешь через четыре дня на афише Русского драматического театра. А завтра пришли мне своего Фредиса.

«Анди» назвал место явки и пароль.

Они простились и разошлись.

«Герберт» на минутку забежал к Фредису — сообщить, что его хочет видеть человек «оттуда»...

...По дороге домой «Герберт» купил бутылку водки и, войдя в свою комнату, запер дверь на ключ. Он снял плащ, кинул пачку денег, полученную от «Анди» на стол. Сколько раз он просил, умолял разведцентр, чтобы ему прислали деньги! И вот они у него. Но зачем ему деньги, если все начинается снова. Все — и бессонные ночи, и страх, и томительное ожидание катастрофы! Что же ему еще ждать от жизни?

«Герберт» залпом выпил стакан водки. Потом достал листок бумаги, ручку и сел писать

записку Мильде. Размашисто вывел имя сестры, поставил восклицательный знак и задумался. Потом смял бумажку, бросил ее под стол и достал новый лист. Он написал несколько слов, зачеркнул, что-то написал снова и снова порвал написанное. Да и зачем писать? Разве это можно объяснить словами? Что делать, если нет никаких надежд, если жизнь становится страшнее смерти...

«Герберт» встал, спотыкаясь прошелся по комнате. Затем нагнулся, оторвал брус паркета. Достал ампулу, положил ее в рот и сжал зубами. Он покачнулся, потом тяжело повалился на стол, разметав сторублевые бумажки. Смерть наступила мгновенно, не успев наложить маску ужаса на его лицо.

Теперь «Герберту» было легко и спокойно.

2

«Анди» не допустил никакой ошибки, пробираясь в глубь Латвии. Никто не видел сполохов от костра, который он разводил в лесу, он не сболтнул ничего лишнего. Он действовал осторожно, обдуманно — так, как подсказывал ему многолетний опыт.

И все же каждый шаг Бромберга был известен. Его могли задержать на границе, в лесу, на Лесном кладбище — всюду, где он появлялся. И не только потому, что один из жителей Риги, встретивший на улице бывшего полицейского и гитлеровского офицера, тут же сообщил об этом в КГБ. Это не было случайностью. Найти пристанище и поддержку на советской земле Бромберг не мог. Игра, которую он вел вместе со своими заокеанскими партне-

рами, в любом случае должна была закончиться их поражением. И если Бромберг все еще разгуливал на свободе, то это зависело вовсе не от него.

...В назначенный час Фредис стоял под Большими часами. Как и было условлено, в одной руке он держал шарф, в другой игрушечного медвежонка. Фредис внимательно глядел по сторонам, но так и не заметил, как подле него очутился высокий, грузный мужчина.

— Простите, — обратился он к Фредису, — где здесь парикмахерская?

Фредис, чтобы не забыть положенный ответ, много раз повторял его про себя.

— За углом, — торопливо проговорил он, — но в ней неважно бреют.

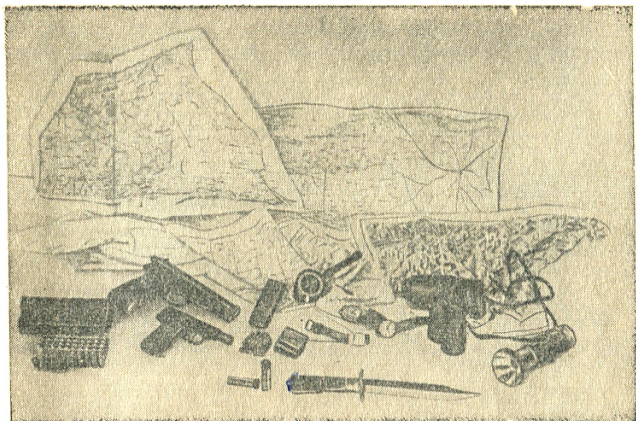
— Здравствуйте, Фредис. Я тот, кого вы ждете, — сказал «Анди» и молча, знаком предложил следовать за ним.

Шли они долго, пока не оказались в пустынном переулке.

— Вот здесь можно и поговорить. Вы курите? — «Анди» протянул Фредису пачку сигарет.

Они закурили. «Анди» присматривался к Фредису. У юноши было открытое, мужественное лицо; крепкие мускулы проступали сквозь легкую рубашку. «Анди» подумал, что у молодого человека, стоящего перед ним, вероятно, сильная воля и хорошие нервы.

Бромберг был достаточно опытен, чтоб не предвидеть и еще один вариант. Тот ли это человек, о котором говорил «Герберт», не подослан ли он чекистами? Что ж, если и подослан, то тем хуже для них. И на этот случай у него был продуман план действий...

Оружие, топографические карты и другое шпионское снаряжение, которым был снабжен Бромберг

— Вы что, Фредис, хорошо знаете Петериса Яновича Приедитиса? — спросил «Анди».

— Да, это мой друг, — ответил Фредис. — Когда я лишился работы, Петерис Янович поддержал меня. Кроме него, в Риге у меня нет ни родных, ни друзей.

— А сейчас вы работаете? — осведомился Бромберг.

— Работу по душе я найти пока еще не смог, — уныло заметил Фредис.

— Это плохо. Вам нужно поскорее устраиваться на службу. — «Анди» взглянул на часы. — Ну хорошо, Фредис, я пойду. О месте и времени следующей встречи я вам дам знать дополнительно.

— Ну зачем же нам так скоро расставать-

ся? — простодушно сказал Фредис. — Мы еще не обо всем поговорили. Не так ли, господин Бромберг?

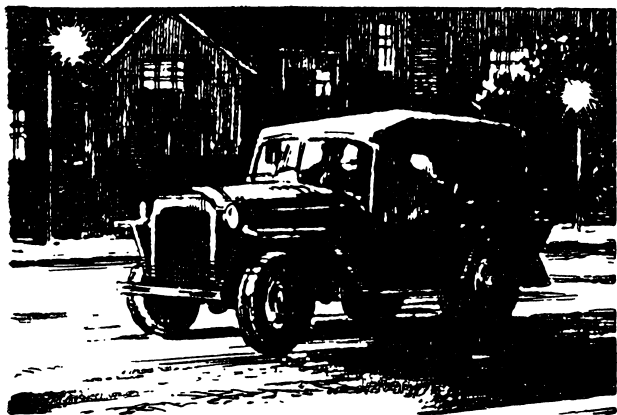
«Анди» сначала показалось, что он ослышался. Откуда этот человек мог знать его настоящую фамилию? Ведь и «Герберту» она была неизвестна. И вдруг «Анди» понял, что произошло что-то страшное. Он сделал шаг назад.

— Ни с места! — приказал Фредис. — Сопротивление бессмысленно. — В руках у Фредиса сверкнула сталь пистолета.

«Анди» увидел, что рядом с ними останавливаются две «победы».

— Спокойнее, господин Бромберг, — произнес Фредис, — машины поданы. Нашу беседу мы продолжим в другом месте.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— Ну вот, теперь можно и ехать. Кажется, мы ничего не забыли.

Подполковник Алкснис помог Лидумсу уложить в машину небольшой чемодан, рюкзак, надувную резиновую лодку и сел за руль. Машина тронулась...

На этот раз поездка двух чекистов не имела никакого отношения к «Закатившейся звезде». Операция успешно завершилась. Последний из пяти шпионов, засланных американской разведкой в Советскую Латвию, — Бромберг — теперь обстоятельно отвечал на вопросы следователей. Показания Бромберга-«Анди» заняли несколько пухлых томов. «Анди» много знал о работе американской разведки — в несколько раз больше, чем обычный шпион. Он рассказывал о ее методах, планах, о шифрах, которыми пользуются американские шпионы...

— Сколько же времени мы собирались с вами в отпуск, Лидумс? — Подполковник повернулся к своему молодому попутчику. — Если не ошибаюсь, у вас пропала вторая путевка еще до того, как вы стали Фредисом и начали водить дружбу с Мильдой и ее братцем.

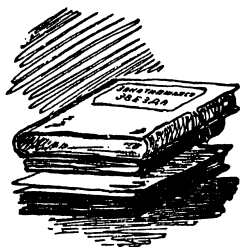
Лейтенант смутился:

— Вы знаете, товарищ подполковник, я так привык к имени Фредис, что мое настоящее имя порою кажется мне псевдонимом.

— Что ж, это в порядке вещей, — заметил Алкснис. — Ведь вы столько месяцев играли эту роль. Но давайте, лейтенант, условимся: весь отпуск о делах не говорить.

Как ни старался Лидумс думать о предстоящем отдыхе, о Рижском взморье, он все время ловил себя на том, что мысли его возвращаются к памятным событиям последних лет, к суровым и опасным операциям, в которых он возмужал, стал настоящим чекистом.

... Рига уже засыпала. Шли последние троллейбусы. Улицы пустели. И сердце Лидумса наполнялось гордостью и радостью, оттого что ему доверено охранять покой и сон этого большого трудового города.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр

<i>Глава первая.</i> Сотрудники «Бюро научно-технических переводов»	3
<i>Глава вторая.</i> Кто курил сигарету «Кемл»?	10
<i>Глава третья.</i> Когда враг не сдается	28
<i>Глава четвертая.</i> Одиночество	41
<i>Глава пятая.</i> Семе-счастливчику не повезло	66
<i>Глава шестая.</i> Золотое кольцо с драгоценным камнем	78
<i>Глава седьмая.</i> Ответ Гарри Трумэна	88
<i>Глава восьмая.</i> Шпион приходит с повинной . . .	106
<i>Глава девятая.</i> Человек в новом костюме	117
<i>Глава десятая.</i> «Анди» отправляется в путь . . .	131
<i>Глава одиннадцатая.</i> Последняя явка	150
<i>Послесловие</i>	161

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адресу:
Москва, Центр, Хохловский пер. 7.
Трудрезервиздат

Шатуновский И. М.

ЗАКАТИВШАЯСЯ ЗВЕЗДА

Редактор Б. Третьяченко

Технический редактор Ю. Горохов

Корректор Н. Иш

А 10515

Сданс в набор 15/VIII 1958

Подписано в печ. 24/XI 1958

Формат бум. 70×92¹/₃₂—ф. п. л. 5,125 (усл. печ. л. 6)

В 1 п. л. 37 100 зн. Уч.-изд. л. 5,56

Уч. № 128/4181 Тир. 90 000 экз. (2-ой завод 15001—90000)

Цена 3 руб. 20 коп.

Набрано в тип. Трудрезервиздата,
Москва, Хохловский пер., 7. Зак. 898.

Отпечатано в Художественном ремесленном училище № 2
полиграфистов, г. Рига, ул. Паласта, 3.
Зак. 1245

Цена 3 руб. 20 коп.

